

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (14)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 2 (14)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д.А.

главный редактор

доктор юридических наук, профессор

Северухин В.А.

зам. главного редактора

кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РСФСР

Андреянова Н.Н.

кандидат юридических наук

Ефимова О.А.

кандидат юридических наук, доцент

Ростиславлев Д.А.

кандидат исторических наук, доцент

Ростокинский А.В.

доктор юридических наук, доцент

Ситдикова Л.Б.

доктор юридических наук, профессор

Пряхина Т.М.

доктор юридических наук, профессор

Чурилов С.Н.

доктор юридических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

<i>Пашенцев Д.А.</i> Право на образование и проблемы его реализации	8
---	---

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Алешкова И.А., Власова Т.В., Дуэль В.М.</i> Конституция РФ как особый вид нормативного правового акта.....	14
<i>Дорская А.А.</i> Международно-правовые последствия Первой мировой войны	23
<i>Ефремова Н.Н.</i> Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива).....	31
<i>Пряхина Т.М.</i> Правовая неопределенность закона	38

Публичное право

<i>Кузьменко В.К., Куксин И.Н.</i> Уголовно-правовые нормы о контрабанде государств — членов Таможенного союза: проблемы унификации	44
<i>Чурилов С.Н., Никифоров В.Г.</i> Источники судебных криминалистических методических рекомендаций	56

Частное право

<i>Ефимова О.В.</i> Регулирование решений собраний гражданским законодательством Российской Федерации.....	65
<i>Ситдикова Л.Б.</i> К вопросу о существенных условиях договора возмездного оказания услуг.....	71

Трибуна молодых ученых

- Воробьев С.В.* Правовые основы взаимоотношений государства и общества в период сословно-представительной монархии 80
- Кочемасов А.В.* Кодификационное движение в США в XIX веке 86
- Смоляров М.В.* Идея реформирования пенитенциарной системы в проекте Уголовного уложения 1754 г. 94
- Черный А.М.* Влияние международно-правовых норм по предупреждению торговли людьми на российское законодательство 101

Научная жизнь

- Звонарев А.В., Пашенцев Д.А.* Съезд Российского историко-правового общества: краткий обзор 109

Критика. Рецензии. Библиография

- Пашенцев Д.А.* Рецензия на монографию: Кривенький А.И. Становление концепции истории государства и права России (на примере трудов профессора С.В. Юшкова): монография (Ч. 1. М.: Дашков и К, 2012. 269 с.) 112

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2014, № 2 (14)..... 116**

- Требования к оформлению статей 119**

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Pashentsev D.A.</i> The Right to Education and the Problems of its Realization	8
---	---

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Aleshkova I.A., Vlasova T.V., Duel V.M.</i> The Constitution of the Russian Federation as a Special Type of Legal Act	14
<i>Dorskaya A.A.</i> International Legal Consequences of the First World War ..	23
<i>Efremova N.N.</i> Development of the Constitutional Foundations of Justice in Russia (Historical Retrospective)	31
<i>Pryakhina T.M.</i> Legal Uncertainty of Law	38

Public Law

<i>Kuzmenko V.K., Kuksin I.N.</i> The Criminal and Legal Norms about Smuggling of Members States of the Customs Union: the Unification Problems	44
<i>Churilov S.N., Nikiforov V.G.</i> Sources of Judicial Forensic Methodical Recommendations	56

Private Law

<i>Efimova O.V.</i> Regulation of Assembly Decisions in Civil Legislation of the Russian Federation	65
<i>Sitdikova L.B.</i> To the Issue of the Material Conditions of Paid Services Agreement	71

Young Scientists' Platform

<i>Vorobyov S.V.</i> Legal Basis of Relations between the State and the Public in the Period of Estate-Representative Monarchy	80
<i>Kochemasov A.V.</i> The Codification Movement in the United States of the 19 th Century	86
<i>Smolyarov M.V.</i> The Idea to Reform the Penal System in the Project of the Criminal Law Code Dated back to 1754	94
<i>Cherniy A.M.</i> The Impact of International Law on the Prevention of Human Trafficking in Russian Legislation.....	101

Scientific Life

<i>Zvonarev A.V., Pashentsev D.A.</i> The Conference of the Russian Historical and Law Society: an Overview	109
---	-----

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Pashentsev D.A.</i> Review of the Monograph: Krivenky A.I. The Concept Formation of the History of the State Law of Russia (using the Example of Professor S. Yushkova's work): monograph (Ch. 1. M.: Dashkov i K, 2012. 269 p.).....	112
--	-----

«MCTTU Vestnik Series "Legal Sciences"» / Authors, 2014, № 2 (14).....	116
--	-----

Style Sheet.....	119
------------------	-----

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Д.А. Пашенцев

Право на образование и проблемы его реализации

В статье раскрывается значение и социальная сущность права на образование. Показаны проблемы, которые затрудняют реализацию этого конституционного права в современной России. Выявлены основные недостатки современной системы образования, показаны возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: образование; право на образование; права человека; гарантии; законодательство.

Права человека принадлежат к числу важнейших категорий современной юриспруденции, при этом институт прав человека развивается уже на протяжении длительного времени. Как справедливо отмечает Б.С. Эбзеев, «Права человека и гражданина — сложное и многообразное общественное явление, прошедшее в своем развитии ряд последовательно сменявших друг друга этапов» [8: с. 171]. В той или иной степени права личности существовали в условиях всех общественно-экономических формаций, но в полной мере нашли свое воплощение с развитием мирового конституционализма, получили закрепление в первых и последующих конституционных актах.

Сегодня общепризнано, что права человека играют важнейшую роль во взаимоотношениях личности и государства. Они устанавливают сферу свободы и самоопределения личности, ее автономию; стабилизируют общественные отношения на основе общепризнанных международных стандартов в области прав и свобод человека; определяют пределы деятельности государства по вмешательству в сферу свободы человека; определяют ответственность государства перед личностью и обществом [4: с. 55–56].

В ст. 2 Конституции Российской Федерации говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Основным законом устанавливает, что в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нор-

мам международного права (ст. 17). «Современный перечень прав человека, который утвержден в международно-правовых документах и конституциях современных государств, в том числе в Российской Федерации, является результатом длительного исторического развития стандартов, ставших нормой современного демократического общества» [4: с. 51].

Основные права и свободы человека признаются российской Конституцией неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения. Они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти (ст. 18).

Право на образование не принадлежит к первому поколению прав человека, но сегодня оно может быть отнесено к числу наиболее значимых. Это определяется прежде всего той важной ролью, которую играет образование в современном мире.

Как справедливо отмечают отечественные социологи, «накапливая в себе прошлый и настоящий социальный опыт, образование тем самым создает предпосылки социальных инноваций во всех сферах общественной жизни... Образование по своим функциям и содержанию является сферой, системообразующей все общество» [2: с. 54].

Понимание этой реальности определило появление новой образовательной парадигмы в государственной политике западных стран: чем выше уровень образования населения, тем богаче, демократичнее и цивилизованнее общество, тем выше уровень жизни и ниже уровень социальной напряженности. Один из самых авторитетных европейских политиков XX века, президент Франции Франсуа Миттеран сказал: «Бедность можно заставить отступать с помощью образования, научных исследований, развития равенства возможностей, гуманизации условий жизни и труда» [3: с. 8]. С этим сложно не согласиться. И закономерное удивление вызывает ситуация, когда с бедностью стараются бороться именно за счет экономии бюджетных средств на развитие образования.

В нашей стране определяющее значение и непреходящую ценность образования убедительно обосновывал академик Н.Н. Моисеев. Он писал, что «будущее планетарного общества и каждой страны решающим образом будет зависеть от распространения знаний, общей образованности, культуры... Уже в ближайшие десятилетия на переднем плане истории окажутся те страны, те народы, которые будут способны обеспечить более высокий уровень образованности, воспитанности, мастерства во всех его проявлениях, способности к поиску... Образованность людей — ключ к будущему» [5: с. 124–125].

Важное значение для реализации любого права имеет наличие соответствующих гарантий, а также механизма такой реализации. Это в полной мере относится и к праву на образование.

Формально механизм реализации права на образование в России создан. Он включает в себя нормативные, содержательные и институциональные компоненты. Государственные гарантии реализации права на образование устанавли-

ваются статьей 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В то же время есть все основания утверждать, что практическая реализация права на образование встречает сегодня существенные затруднения.

Во-первых, для полноценной реализации права на образование необходимо наличие соответствующих социально-экономических условий. Об этом прямо говорится в п. 4 ст. 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

В соответствии с «Основными направлениями бюджетной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов», расходы федерального бюджета на образование будут урезаны с 615 млрд руб. в 2012 г. до 573 млрд руб. в 2015 г. (<http://www.minfin.ru>). Это вполне закономерно в ситуации, когда в силу недостаточно эффективной работы правительства темпы роста экономики стремятся к нулю, а бюджет даже при высоких ценах на нефть становится дефицитным.

Снижение государственных расходов на образование означает их автоматическое перекладывание на население страны: на родителей дошкольников, школьников и особенно студентов. Отметим, что плата за обучение для «контрактников» на многих факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова составляет сегодня 360 тыс. руб. в год, то есть примерно 1 тысячу рублей в день. При этом средняя заработная плата в Российской Федерации, по официальным данным, за первое полугодие 2013 г. едва превысила 27 тыс. руб. в месяц (<http://www.mojazarplata.ru/main/zarabotok/srednjaja-zarplata/2013>).

Вторая проблема — качество образования. Из пяти основных мировых рейтингов высших учебных заведений только в одном рейтинге Московский государственный университет вошел в первую сотню вузов мира. В остальных рейтингах российские университеты занимают очень посредственные места, а подавляющее большинство из них там даже и не присутствует (<http://www.education-medelle.com/articles/luchschie-universiteti-rossii.html>).

На повышение качества образования, а если точнее, на повышение места российских вузов в мировых рейтингах направлены проводимые сегодня Министерством образования и науки мероприятия. Во многих вузах заработная плата преподавателей теперь зависит от количества их публикаций и от личных индексов цитирования. С одной стороны, это правильно — преподаватель вуза должен быть ученым, должен заниматься наукой и регулярно публиковать результаты своих исследований. С другой стороны, это почти никак не влияет на качество получаемого студентами образования.

Третья проблема связана с так называемым «болонским процессом», в первую очередь, с переходом на двухуровневую систему высшего образования.

В частности, обучение студентов магистратуры (второго уровня высшего образования) осложняется в связи с тем, что место самой магистратуры в системе высшего образования окончательно не определено. Например, не-

редко встречается ситуация, когда в магистратуру по юридическим специальностям принимают как студентов, уже имеющих юридическое образование, так и лиц, не имеющих такового. В итоге за два года магистратуры студенты, не имеющие базового юридического образования, не успевают понять, что же такое право, и тем более изучить основы базовых отраслей. Магистратура предполагает несколько иное направление подготовки, ориентированное не на практику работы в правоохранительных и властных структурах, а на научно-исследовательскую и педагогическую деятельность выпускников, и бывшие лингвисты и математики, заканчивая юридическую магистратуру, полноценными юристами не становятся.

Как справедливо указывает судья Конституционного суда Российской Федерации Н.С. Бондарь, первый опыт реализации магистерских программ по юриспруденции свидетельствует, что их подготовка во многих вузах превращается во многом в профанацию: ведь в соответствии с нашим действующим законодательством степень «магистр юриспруденции» доступна — в это трудно поверить, но это так — для обладателя любого диплома бакалавра или специалиста, независимо от базового образования. Будь ты врач, математик или физик, в течение... 2-х лет можешь приобрести (естественно, на коммерческой основе) степень магистра юриспруденции [1: с. 8].

Все это относится и к другим специальностям, не только к юриспруденции.

Четвертая проблема, а точнее, целый блок проблем, является порождением Единого государственного экзамена.

Прежде всего, «стобалльники» из Северо-Кавказского региона нарушают право на образование тех абитуриентов, которые честно готовились к экзамену и самостоятельно его сдавали.

Помимо этого, сам характер Единого государственного экзамена порождает ситуацию, когда ученики выпускных классов находятся в состоянии «натаскивания» на тесты по тем предметам, которые им предстоит сдавать, и не осваивают должным образом школьную программу по остальным дисциплинам.

В дополнение к указанным выше проблемам, отметим следующие недостатки государственной политики в сфере образования:

- доминирование идеи о коммерциализации образования;
- понимание образования как услуги, а не как важной функции государства;
- бюрократизация системы образования, сопровождающаяся стремительным ростом всевозможной отчетности;
- господство формальных признаков и подходов в образовании, убивающих творческое начало и академическую свободу;
- несовершенство системы нормативно-правового регулирования образования [6: с. 29–30].

Проблемы, которые можно наблюдать в развитии системы образования, фактически те же, что и проблемы государственного управления в целом: раздувание управленческих штатов; некомпетентность чиновников; неэффективное расходование бюджетных средств; стремительный рост отчетности; коррупция; неверная постановка общей задачи в развитии образования; отсутствие четкой, научно обоснованной программы реформ [7: с. 8].

Выход из этой непростой ситуации видится в неотложном и кардинальном решении следующих задач:

- совершенствование законодательства, в первую очередь, недавно принятого Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»;
- борьба с бюрократизацией образования;
- развитие демократических начал в образовании, расширении сферы университетской автономии и академических свобод;
- учет общественного мнения, в первую очередь, мнения научно-педагогического сообщества по вопросам реформирования образования.

По нашему мнению, решение данных задач повысит эффективность реализации права на образование на всех ступенях обучения, а также будет способствовать улучшению ситуации с правами человека, в целом.

Литература

1. *Бондарь Н.С.* Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? // Юридическое образование и наука. 2013. № 1. С. 7–16.
2. *Григорьев С.И., Матвеева Н.А.* Неклассическая социология образования начала XXI века. Барнаул: АРНЦ СО РАН, 2000. 159 с.
3. *Жуков В.И.* Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М.: Маркетинг, Союз; 2001. 848 с.
4. *Ильин Ю.Д.* Право человека и государства на безопасность в современном мире. М.: Норма, 2007. 287 с.
5. *Моисеев Н.Н.* Цивилизация на переломе. Пути России. М.: ИСПИ РАН, 1996. 167 с.
6. *Пашенцев Д.А.* Перспективы развития высшего юридического образования в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 29–30.
7. *Пашенцев Д.А.* Управление системой высшего образования: современные проблемы // Право и образование. 2013. № 9. С. 4–9.
8. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2005. С. 576.

References

1. *Bondar' N.S.* Sovremenny'e orientiry' rossijskogo yuridicheskogo obrazovaniya: nacional'ny'e tradicii ili kosmopoliticheskie illyuzii? // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2013. № 1. S. 7–16.

2. *Grigor'ev S.I., Matveeva N.A.* Neklassicheskaya sociologiya obrazovaniya nachala XXI veka. Barnaul: ARNC SO RAN, 2000. 159 s.
3. *Zhukov V.I.* Rossijskoe obrazovanie: istoki, tradicii, problemy'. M.: Marketing; Soyuz, 2001. 848 s.
4. *Il'in Yu.D.* Pravo cheloveka i gosudarstva na bezopasnost' v sovremennom mire. M.: Norma, 2007. 287 s.
5. *Moiseev N.N.* Civilizaciya na perelome. Puti Rossii. M.: ISPI RAN, 1996. 167 s.
6. *Pashencev D.A.* Perspektivy' razvitiya vy'sshego yuridicheskogo obrazovaniya v usloviyah evrazijskoj integracii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 6. S. 29–30.
7. *Pashencev D.A.* Upravlenie sistemoj vy'sshego obrazovaniya: sovremenny'e problemy' // Pravo i obrazovanie. 2013. № 9. S. 4–9.
8. *E'bzeev B.S.* Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii. M.: Yuridicheskaya literatura, 2005. S. 576.

D.A. Pashentsev

The Right to Education and the Problems of its Realization

The article explains the meaning and the social essence of the right to education, shows the problems that impede the realization of this constitutional law in modern Russia and reveals the major shortcomings of modern educational system and possible ways to overcome them.

Keywords: education; the right to education; human rights; guarantees; legislation.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

**И.А. Алешкова,
Т.В. Власова,
В.М. Дуэль**

**Конституция РФ
как особый вид нормативного
правового акта¹**

В рамках данной статьи авторы актуализируют вопрос, связанный с установлением на законодательном уровне официальной классификации нормативных правовых актов Российской Федерации, выделяя Конституцию РФ, законы и подзаконные правовые акты.

Ключевые слова: Конституция РФ; нормативный правовой акт; правовая система; закон; подзаконный нормативный акт; правовое регулирование; юридические свойства конституции; охрана и защита Конституции РФ.

Процесс формирования права — длительный исторический процесс. Свои истоки право берет еще от «мононорм» первобытного общества и в процессе развития приобретает определенные формы и черты². В современный период государства в рамках национальных территорий предусматривают разные формы выражения правил поведения. Правовая система государств характеризуется присущими ей формами права. Российская правовая система относится к семье романо-германского права, а потому основной формой права в Российской Федерации являются нормативные правовые акты, к которым относятся Конституция РФ, законы и подзаконные нормативные правовые акты. Все они, с одной стороны, с учетом теоретических разработок в юриспруденции составляют четкую, иерархически построенную систему, с другой — как справедливо отмечает Н.А. Влащенко, на законодательном уровне отсутствует официальная классификация

¹ Статья выполнена при использовании информационного ресурса СПС «КонсультантПлюс».

² Право — один из видов регуляторов общественных отношений; в многотысячелетней истории юриспруденции не раз указывалось, что в вопросах о праве следует избегать универсальных определений, общепризнанного определения права не существует и в современной науке.

нормативных правовых актов, что особенно важно в условиях федеративного устройства государства, множества субъектов правотворчества, сложной системы управления в стране. Помимо «видовой» упорядоченности необходимо создать строгую иерархию нормативных правовых актов, в которой Конституция РФ была бы системообразующим документом [11: с. 48].

В российской юридической науке Конституция РФ определяется как основной закон [19: с. 127], как каркас всей отечественной правовой системы [13: с. 127] и т. п. Авторы учебников по теории государства и права традиционно рассматривают ее как вид закона [15: с. 271].

Отсутствие в России федерального закона «О нормативных правовых актах» не дает возможности привести легальную дефиницию закона. Понятие «нормативный правовой акт» разъяснялось в утратившем силу Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5 (ред. от 24 апреля 2002 г.), в котором отмечалось, что под нормативным правовым актом понимается изданный в установленном порядке акт уполномоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом¹. Вместе с тем в юридической доктрине принято исходить из того, что нормативный правовой акт — это письменный документ компетентного органа государства, которым оформляется принятие, изменение или отмена норм права и закрепляется их содержание [15: с. 269].

В свою очередь, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 (ред. от 09.02.2012 г.) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» отмечается, что существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений [8].

В Постановлении Государственной думы Федерального собрания РФ от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный суд Российской Федерации» отмечается, что в действующем законодательстве пока отсутствует определение понятия «нормативный правовой акт». Вместе с тем в юридической доктрине принято исходить из того, что нормативный правовой акт — это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции

¹ Утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение [14].

Отсюда следует, что для нормативных правовых актов характерны следующие признаки: они исходят от государства; обладают формальной определенностью; реализация норм обеспечивается принудительной силой государства; являются общеобязательными; имеют общий характер.

По мнению Ю.А. Тихомирова, закон — сложное комплексное явление, не отождествляемое с текстом акта [17: с. 21]. Поддерживая такую позицию, отметим, что в данном случае понятие «закон» рассматривается в широком смысле и означает действие нормативных правовых актов, однако в узком смысле понятие «закон» употребляется применительно к конкретному виду нормативного правового акта, принятого законодательным органом.

Анализ конституционных норм, закрепленных ст. ст. 4, 5, 15, 71, 72, 78, 80, 84, 85, 90, 105, 113, 114, 115, 118, 120, 133, позволяет сделать вывод, что в самом тексте Конституции РФ разграничиваются понятия конституция и закон. При этом некоторые авторы полагают, что с формальной точки зрения Конституция РФ может совпадать с иными законами государства, но в практике современного конституционализма она обычно отличается от них по способу издания, внесения изменений и дополнений, а юриспруденцией признается ядром правовой системы соответствующего государства [18: с. 82].

Полагаем, что Конституция РФ даже с формальной точки зрения — это особый вид нормативного правового акта, обладающий рядом характерных черт, но не отождествляемый с законом. В юридической литературе существует ряд оснований подразделения нормативных правовых актов на виды: в соответствии с объективно существующей иерархической структурой, т. е. их юридической силой, а также предметом регулирования, сферами действия, субъектами правотворчества и др.

Рассмотрим характерные черты Конституции РФ, отличающие ее от других видов нормативных правовых актов. Исходя из основания классификации нормативных правовых актов **по юридической силе**, следует отметить, что согласно ст. 15 Конституции РФ — Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Обладая высшей юридической силой, Конституция РФ не нуждается для своей реализации как обязательного предварительного условия в конкретизации в федеральных законах, а также в ратификации или подтверждении в иной форме органами государственной власти Российской Федерации.

Таким образом, исходя из понимания ст. 15 Конституции РФ, по своей природе Конституция РФ — это нормативный правовой акт первичного ха-

рактера, так как в нем содержатся юридические предписания, которые представляют собой отправные начала всей правовой системы государства, и все законы в государстве производны от Конституции РФ.

Взяв за основу классификации нормативных правовых актов **предмет регулирования**, можно отметить следующее: конституционное регулирование обусловлено доминирующей правовой природой конституционных положений в правовой системе и направлено на закрепление устоев общества и его основных институтов. Наличие собственной исключительной сферы конституционного регулирования сочетается с широкой сферой смежного регулирования совместно с другими отраслями. Конституция РФ закрепляет основы конституционного строя, основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, форму государства и другие основополагающие положения государственно-правового значения [16].

Конституцией государства Г. Еллинек, немецкий государствовед, представитель юридического позитивизма (1851–1911), называл «совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок признания их к отправлению их функций, их взаимные отношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти» [12].

По мнению В.Д. Зорькина, Конституция — единый политико-юридический документ, каждая часть которого органически связана со всеми остальными и в рамках единой системы выполняет свои функции. Это продуманная модель организации жизни общества, охватывающая все его сферы и наиболее важные проявления. Конституция РФ является целостным актом, нормы и институты которого взаимосвязаны и взаимодействуют в процессе регулирования общественных отношений. Легитимируя государственную власть и устанавливая пределы ее дискреции, Конституция определяет основные направления деятельности и преследуемые ею цели, а также средства и способы их реализации, гарантирует общество от его поглощения государством, очерчивает сферу индивидуальной автономии личности и обязывает ее к законопослушанию, в том числе предусматривая определенные обязанности, проистекающие из социальной природы человека и его коллективного бытия [13]. При этом также стоит отметить позицию Н.В. Витрука: законодательное развитие Конституции РФ корректно только тогда, когда соблюдается ее значение как фундамента, на котором возводится здание правовой системы. «Она формирует основу нормативной модели общественных отношений; делает возможным, целесообразным функционирование их с точки зрения высших интересов общества и государства» [9].

Таким образом, очевидно, что Конституция РФ имеет широкую сферу конституционно-правового регулирования, в отличие от законов, направленных на регулирование определенной сферы. Предмет правового регулирования Конституции РФ является межотраслевым, следовательно, правовое качество

действующих правовых предписаний в значительной степени определяет эффективность законодательства Российской Федерации.

Рассматривая в качестве основания классификации нормативных правовых актов **сферу их действия**, следует отметить, что интеграция конституционной модели организации общественных отношений в социальную практику в тексте Конституции РФ выражается и обозначается различными терминами — «вступление в силу», «введение в действие», «действие», «прямое действие», «непосредственное действие», «осуществление», «применение» и другими, которые несут различную смысловую нагрузку и обозначают нетождественные понятия [13].

Непосредственное действие конституционных норм характерно и для всех форм государственной деятельности — законодательной, исполнительной, судебной, а также для осуществления гражданами принадлежащих им прав, свобод и обязанностей. Когда самих конституционных норм бывает недостаточно для реализации положений Конституции РФ, они действуют совместно с нормами различных отраслей права — конституционного, административного, гражданского и др.

Взяв за основу классификации нормативных правовых актов **субъекты правотворчества**, отметим, что Конституция РФ является высшей формой воплощения официальной воли многонационального народа Российской Федерации. Именно поэтому Конституция РФ 1993 г. принята народом путем прямого голосования населения, и вступила в юридическую силу с момента опубликования результатов всенародного голосования. Что касается процедуры принятия и вступления в юридическую силу федеральных конституционных и федеральных законов Российской Федерации, то они нормативно закреплены Конституцией РФ, регламентами палат Федерального собрания Российской Федерации, Федеральным законом «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания» [1, 2, 4, 5]. Являясь производными от Конституции РФ, они имеют существенные отличия в процедуре принятия и вступления в силу.

Кроме того, Конституция РФ имеет усложненный по сравнению с иными нормативными правовыми актами порядок внесения изменений, поправок и пересмотра, чем обеспечивается ее константность по сравнению с текущим законодательством. Внесение изменений и поправок в Конституцию РФ регулируется непосредственно в тексте Конституции РФ и дополняется Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04 марта 1998 г. [3], постановлением Конституционного суда РФ от 28 ноября 1995 г. [6]. Таким образом, Конституция РФ как вид нормативного правового акта в отличие от законов принята путем всенародного голосования, что не представляется возможным в отношении иных нормативных правовых актов. Вопрос внесения изменений, поправок

и пересмотра Конституции РФ также имеет процедурные особенности (в том числе и по субъектному составу).

Особая правовая охрана и защита Конституции РФ также позволяют охарактеризовать ее как самостоятельный вид нормативного правового акта. Охрана Конституции РФ состоит в установлении в законодательстве мер выявления конституционных нарушений, надзора и контроля за состоянием реализации конституционных установлений, мер пресечения, защиты и ответственности за совершенные конституционные нарушения. Защита представляет собой активную деятельность органов публичной власти и их должностных лиц по пресечению конституционных нарушений, восстановлению конституционно-правового состояния, возмещению нанесенного ущерба и возложению на виновных мер наказания. В защите конституционных установлений участвуют все органы публичной власти в пределах своей компетенции [10].

Особая правовая охрана Конституции РФ — важнейшее условие выполнения всех установленных ею положений и норм. Все государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ. Кроме того, охрана Конституции РФ обеспечивается Президентом РФ, который как гарант Конституции (ч. 2 ст. 80) принимает все необходимые меры в пределах своих полномочий, чтобы обеспечить выполнение требований Конституции РФ, ее положений. Особую роль в правовой охране Конституции РФ играет Конституционный суд РФ, который, в частности, в соответствии со ст. 125 Конституции РФ рассматривает и решает дела о соответствии Конституции РФ правовых актов, их отдельных положений.

В Постановлении Конституционного суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П [7] отмечается необходимость адекватных мер федерального воздействия в целях защиты Конституции РФ, обеспечения ее высшей юридической силы, верховенства и прямого действия, а также верховенства основанных на ней федеральных законов на всей территории Российской Федерации, что требует от органов государственной власти субъектов РФ соблюдения федеральной Конституции РФ и федеральных законов.

Кроме того, можно выделить еще одну особенность Конституции РФ. В тексте Конституции РФ в большей степени, чем в других нормативных правовых актах выражены цели и задачи, определения (дефиниции), принципы, презумпции, фикции, символы. Поэтому в научной литературе обычно установления (положения) Конституции РФ рассматриваются как нормы-цели, нормы-задачи, нормы-определения, нормы-принципы, нормы-презумпции, нормы-фикции, нормы-символы. Многие установления по своему содержанию многофункциональны. Они одновременно могут выступать в качестве дефиниции, цели, принципа, фикции [9]. Данное обстоятельство не свойственно для законов и подзаконных нормативных правовых актов.

Таким образом, в системе нормативных правовых актов Российской Федерации следует выделять Конституцию РФ, законы и подзаконные норматив-

ные правовые акты, указывая тем самым на особый статус Конституции РФ как основополагающего нормативного правового акта, принятого в порядке референдума многонациональным народом России.

Литература

1. Конституция РФ. Принята 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 25.12.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801.
3. Федеральный закон от 04 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.
4. Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 21.06.2013 г.) // Российская газета. 1998. 25 февраля.
5. Постановление СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 17.04.2013 г.) // Парламентская газета. 2002. 19 февраля.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4868.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 г. № 8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. Январь.
9. *Витрук Н.В.* Верность Конституции. М.: РАП, 2008. 272 с.
10. *Витрук Н.В.* Право, демократия и личность в конституционном измерении. М.: Норма. 2012. 687 с.
11. *Власенко Н.А.* Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54.
12. *Еллинек Г.* Конституции, их история и значение в современном праве. СПб.: Голос, 1906. 48 с.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотр. / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.
14. Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5506.
15. Теория государства и права: учебник / Под ред. В.Н. Корнева. М.: РАП, 2013. 559 с.
16. *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.
17. *Тихомиров Ю.А.* Теория закона. М.: Наука. 1982. 257 с.
18. *Эбзеев Б.С.* Введение в Конституцию России. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 559 с.

19. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.

References

1. Konstituciya RF. Prinyata 12 dekabrya 1993 g. // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya.

2. Federal'ny'j zakon «O poryadke opublikovaniya i vstupleniya v silu federal'ny'x konstitucionny'x zakonov, federal'ny'x zakonov, aktov palat Federal'nogo Sobraniya» ot 14 iyunya 1994 g. № 5-FZ (red. ot 25.12.2012 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 8. St. 801.

3. Federal'ny'j zakon ot 04 marta 1998 g. № 33-FZ «O poryadke prinyatiya i vstupleniya v silu popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 10. St. 1146.

4. Postanovlenie GD FS RF ot 22 yanvarya 1998 g. № 2134-II GD «O Reglamente Gosudarstvennoj Dumy' Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» (red. ot 21.06.2013 g.) // Rossijskaya gazeta. 1998. 25 fevralya.

5. Postanovlenie SF FS RF ot 30 yanvarya 2002 g. № 33-SF «O Reglamente Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» (red. ot 17.04.2013 g.) // Parlamentskaya gazeta. 2002. 19 fevralya.

6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 noyabrya 1995 g. № 15-P «Po delu o tolkovanii chasti 2 stat'i 137 Konstitucii Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 49. St. 4868.

7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 04.04.2002 g. № 8-P po delu o proverke konstitucionnosti otdel'ny'x polozhenij Federal'nogo zakona «Ob obshhix principax organizacii zakonodatel'ny'x (predstavitel'ny'x) i ispolnitel'ny'x organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii» v svyazi s zaprosami Gosudarstvennogo Sobraniya (II Tumen) Respubliki Saxa (Yakutiya) i Soveta Respubliki Gosudarstvennogo Soveta — Xase Respubliki Ady'geya» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 15. St. 1497.

8. Byulleten' Verxovnogo Suda RF. № 1.2008. yanvar'.

9. *Vitruk N.V.* Vernost' Konstitucii. M.: RAP, 2008. 272 s.

10. *Vitruk N.V.* Pravo, demokratiya i lichnost' v konstitucionnom izmerenii. M.: Norma. 2012. 687 s.

11. *Vlasenko N.A.* Krizis prava: problemy' i podxody' k resheniyu // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8. S. 43–54.

12. *Ellinek G.* Konstitucii, ix istoriya i znachenie v sovremennom prave. SPb.: Golos, 1906. 48 s.

13. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejny'j). 2-e izd., peresmotr. / Pod red. V.D. Zor'kina. M.: Norma, Infra-M, 2011. 1008 s.

14. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 49. St. 5506.

15. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / Pod red. V.N. Korneva. M.: RAP, 2013. 559 s.

16. *Tixomirov Yu.A.* Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M.: Formula prava, 2010. 400 s.

17. *Tixomirov Yu.A.* Teoriya zakona. M.: Nauka. 1982. 257 s.

18. *Ebzeev B.S.* Vvedenie v Konstituciyu Rossii. M.: Norma, Infra-M, 2013. 559 s.

19. *Ebzeev B.S.* Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt' sinteticheskogo issledovaniya. M.: Prospekt, 2014. 336 s.

*I.A. Aleshkova,
T.V. Vlasova,
V.M. Duel*

The Constitution of the Russian Federation as a Special Type of Legal Act

In the framework of this article the authors actualize the issue of official classification of regulations establishment at the legislative level expressing the position that a special emphasis should be laid on the Constitution of the Russian Federation, laws and bylaws of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; regulations; legal system; laws; by-law; legal properties of the constitution; the protection and defense of the Constitution.

А.А. Дорская

Международно-правовые последствия Первой мировой войны

В статье рассматривается влияние событий Первой мировой войны на развитие международного права. Показано, что в общественном сознании Первая мировая война воспринималась как нарушение норм международного права. Раскрывается развитие новых институтов и понятий международного права.

Ключевые слова: международное право; Первая мировая война; военнопленные; беженцы; геноцид; нейтралитет.

Первая мировая война стала событием, с которого начался XX век с точки зрения развития новой парадигмы международных и внутригосударственных общественных отношений — национального самоопределения, выразившегося и в крахе огромных империй (Российская империя, Австро-Венгерская империя), и в создании федераций, построенных по национальному признаку (СССР, Югославия, Чехословакия), и в распаде колониальной системы в 50–60-е гг., а в конце века — в разделении национальных федераций. Как отмечали многие исследователи XX века, «новый мир родился в окопах Великой войны» [13: с. 92].

События Первой мировой войны, а затем мирные договоры, подписанные на Парижской мирной конференции, предопределили неизбежность Второй мировой войны своим несправедливым стремлением поставить Германию «на колени» и неудачным «перекраиванием» карты Европы без учета национально-культурного фактора. Данные международно-правовые последствия Первой мировой войны достаточно хорошо изучены в юридической и исторической литературе. Хотя сейчас существует и другое мнение, согласно которому требования держав-победительниц не являлись чрезмерно завышенными и унижительными для Германии.

Однако война серьезно повлияла и на развитие многих отдельных институтов и норм международного права, причем иногда самым неожиданным образом.

Во-первых, Первая мировая война стала ответом на возникший в конце XIX – начале XX века научный спор о природе международного права. Как известно, в науке существовало два направления.

Первое — отрицало саму идею международного права. Например, немецкие юристы Ф. и А. Цорны, А. Лассон считали, что международное право правом не является, а в лучшем случае является международной моралью [9: с. 7].

Как отмечает В.В. Пустогаров, в XIX веке «ставилось под сомнение само существование международного права. Сторонники подобного взгляда аргументировали следующим образом: в международных отношениях нет верховного законодателя, отсутствует судебная и исполнительная власть, способная приводить в исполнение принятые решения. За нормами международного права не стоит принудительная сила, а их соблюдение зависит от доброй воли государств. Поэтому в международных отношениях господствует сила, а не право» [14: с. 17]. Однако в России это направление не прижилось. «В русской науке международного права этого периода в отличие от науки международного права на Западе, — писал Д.Б. Левин, — не было отрицателей международного права» [8: с. 10].

Второе направление, напротив, не только не отрицало международное право, но и пыталось более точно определить его место в юриспруденции. Так, известный специалист в области государственного права Ф.Ф. Кокочкин незадолго до начала Первой мировой войны писал: «Союзов, имеющих свои особые порядки, чрезвычайно много. Но если взять из них лишь те, которые имеют особо важное значение в жизни человечества, и право, которое служит преимущественно предметом изучения для юридической науки, а именно: государство, церковь и международный союз, то ограниченную таким образом область правовых явлений можно разделить на три отдела: право государства (публичное и частное), право церковное и право международное» [5: с. 149]. То есть международный союз, мировое сообщество выступили источником правовых норм.

Первая мировая война впервые рассматривалась в общественном сознании как нарушение норм международного права. Интересные данные приводит В.А. Холодов. Изучая восприятие событий Первой мировой войны в российской провинции, он изучил материалы местных органов печати. Вот, например, как объяснялись причины войны в Орловских епархиальных ведомостях: «Союзники двинулись против воинствующего германизма, попирающего международное право и не желающего признавать политическое равновесие, столь дорогое для общего благосостояния, для беспрепятственного существования и дальнейшего развития европейской, а отсюда и общемировой культуры» [16: с. 126].

Во-вторых, Первая мировая война отличалась от всех прежних вооруженных конфликтов, став беспрецедентной для своего времени. Это выразилось и в том, что перед войной предпринимались международно-правовые меры, направленные на возможное предотвращение войны и, во всяком случае, на минимизацию ее ужасов и последствий (Первая и Вторая Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг., деятельность Института международного права. Организация общества мира и т. д. [12: с. 37–38]), и в огромном количестве жертв, и в распаде существовавшего баланса сил в Европе, и в появлении на международной арене нового государства, претендующего на роль мирового лидера, — США.

В-третьих, Первая мировая война принесла нововведения и в право международных организаций. В частности, достаточно своеобразным военно-политическим объединением была Антанта. Видимо, это был первый пример в истории, когда объединялись антиподы — у России с Крымской войны оставались неразрешенные проблемы с Англией и Францией. А когда японцы вступили в войну на стороне Антанты, Россия вообще оказалась «в одной лодке со своим давним противником» [13: с. 94]. Как показали события Второй мировой войны, этот опыт в дальнейшем был использован державами, расколотыми на капиталистический и социалистический лагерь.

В-четвертых, Первая мировая война показала неразработанность понятия «военнопленный». Как отмечает А.Н. Назаров, например, в России «с первых дней войны было объявлено, что “все австрийские и германские подданные мужского пола с 18 до 45 лет должны считаться военнопленными, и подлежат немедленному аресту”. Такая позиция властей была подхвачена населением. Стали разоблачать немецких шпионов» [11: с. 15]. Данное явление получило название «гражданского плена».

В связи с тем, что огромное значение в годы Первой мировой войны играл экономический фактор, широко использовался труд военнопленных. «При использовании труда военнопленных, — пишет Н.Е. Журбина, — нужно было учитывать два фактора: во-первых, многие подорвали свое здоровье до пленения, и таких работников невозможно было использовать в полную силу, хотя были случаи привлечения на работы раненых и больных; во-вторых, нужно было учитывать риск побега пленных от своих хозяев. Известны также случаи нецелевого использования труда военнопленных по усмотрению работодателей, например, в качестве садовников, продавцов, кучеров и т. д.» [2: с. 231].

Но при этом были и несомненные успехи. Например, в утвержденных в октябре 1914 г. «Положениях о военнопленных» русское правительство фактически брало на себя обязательства придерживаться принципов Гаагской конвенции 1907 г. о гуманном обращении с пленными. Этот вопрос был очень актуальным, так как к 1 сентября 1917 г. на территории России было более 1,8 млн военнопленных [1: с. 259].

В-пятых, Первая мировая война показала, что именно в период вооруженных конфликтов особую актуальность приобретают религиозные чувства людей, поэтому международное право должно это учитывать.

Так, например, религиозные конфессии и религиозные деятели организовывали реальную помощь различным категориям населения, наиболее страдающим от военных действий. Например, уже через несколько дней после начала войны, 5 августа 1914 г., католикос всех армян Геворк V издал кондак № 1150, в котором объявил о создании Главного распорядительного комитета братской помощи беженцам и раненым воинам и призвал всех оказать содействие этому органу [15: с. 218].

Большое участие в облегчении положения бедствующих принимала Русская Православная Церковь. Так, В.Ю. Кузьмин приводит следующий пример: «Как свидетельствует выписка из определений Святейшего синода от 11 августа 1915 года, в связи с отсутствием свободных квартир в Нижегородской, Орловской, Тульской и Рязанской губерниях и проживании на монастырских землях переселенцев, «входя в положение населения» из местностей, занятых неприятелем, духовное ведомство вместе со всем русским обществом должно принять в этом самое деятельное участие. Обер-прокурором Синода было поручено учредить одноименные комитеты по делам беженцев, которые должны были вести поиск помещений для беженцев и добиваться, чтобы все духовные заведения как в городах, так и селениях представляли эти помещения; распределение по всем помещениям духовных, духовно-учебных заведений, школ, домов частных лиц всех беженцев без разделения народности и вероисповедания» [7: с. 171].

В статье 18 Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1907 г. было закреплено, что военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов, не исключая и присутствия на церковных, по их обрядам, богослужениях, под единственным условием соблюдения предписанных военной властью мер порядка и безопасности. Однако реализация свободы совести на практике оказалась достаточно сложной. Сказались и неожиданная длительность войны, и высокая численность военнопленных, и нехватка священников, и межконфессиональные противоречия, когда военнопленные отказывались от служб, совершаемых иноверцами, или, наоборот, священнослужители отказывались, к примеру, отпевать представителей других вероисповеданий [10: с. 157].

Опыт Первой мировой войны был учтен при разработке Женевских конвенций 1949 г. В **III Женевской конвенции об обращении с военнопленными** от 12 августа 1949 г. данному вопросу посвящена уже целая V глава «Религия, интеллектуальная и физическая деятельность».

Даже сейчас иногда религиозные нормы подменяют собой нормы международного гуманитарного права. Как показывают ежегодные опросы Международного комитета Красного Креста «Люди о войне», более трети опрошенных считают, что определенные военные действия «неправильны», так как они противоречат религиозным верованиям.

В-шестых, несмотря на многие положения Версальской системы, которые не выдерживают критики, были и безусловно положительные моменты, оказавшие значительное воздействие на дальнейшее развитие международного права. Это прежде всего так называемые гуманитарные аспекты Версальского мирного договора — гарантии социальных завоеваний трудящихся, обеспечение прав малых стран и народов, репатриация военнопленных, реституция материальных ценностей и т. д. Как отмечает Е.Ю. Сергеев, хотя не все указанные вопросы нашли свое разрешение, сама их постановка означала прорыв в направлении гуманизации международных отношений [6: с. 251].

В-седьмых, события Первой мировой войны оказали влияние на развитие института постоянного нейтралитета, введенного, как известно, на Венском конгрессе в 1815 г. Вслед за Швейцарией политику постоянного нейтралитета проводила Бельгия, однако в годы Первой мировой войны она перешла к политике «свободных рук» и принимала участие в военных действиях без подписания договора со странами Антанты, после того как Германия нарушила ее нейтралитет [17].

В-восьмых, именно в результате событий Первой мировой войны началось формирование такого юридического термина, как «геноцид». Как отмечают А.Г. Кибальник и А.С. Мартиросян, «турецкий Военный трибунал 22 апреля 1919 г. (уже после поражения Турции в войне) обвинил руководителей младотурецкого правительства именно в геноциде армян, отметив в своем приговоре, что «решение об истреблении армян было принято в ЦК партии Иттихад (т. е. правящая партия младотурок), а депортация и резня являлись чем-то вроде «чистки», ибо они должны были радикально решить армянский вопрос» [4: с. 131]. Затем Рафаэль Лемкин, еще будучи студентом Львовского университета, стал изучать материалы массового уничтожения армянского населения по распоряжению властей Османской империи в 1915–1918 гг. Возмущенный их безнаказанностью, в начале 30-х гг. он начал активно бороться за установления в международном праве наказания за преступление геноцида, но только в декабре 1948 г., после Второй мировой войны с ее новыми чудовищными примерами геноцида, была принята «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

И, наконец, в-девятых, Первая мировая война изменила континентальное соотношение мировых сил. Как известно, вплоть до войны США, с одной стороны, придерживались политики изоляционизма, пытаясь напрямую не вмешиваться в европейские дела, но с другой — весьма ревностно относились к тому, что происходит в Европе. Достаточно вспомнить Вашингтонскую конференцию 1907 г., которая была созвана в противовес Второй Гаагской конференции мира, создание по инициативе США и Мексики Центральноамериканского суда, участниками которого были Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор.

После Февральской революции в России, когда стало понятно, что дальнейшее участие Российской империи в Первой мировой войне находится под вопросом, в апреле 1917 г. США вступили в войну на стороне Антанты. Эпоха политики изоляционизма закончилась. С этого времени США принимали самое активное участие во всех важных международных событиях. Однако этот шаг поставил вопрос и перед другими государствами Северной и Южной Америки. Так, например, В.П. Казаков на примере Аргентины показал, что «начавшаяся Первая мировая война и вступление в нее США поставили Аргентину перед выбором: последовать их примеру или остаться нейтральной. В стране развернулась борьба сторонников и противников нейтралитета, за которой

скрывались поиски места Аргентины в изменившемся мире» [3: с. 97–98]. Таким образом, одним из международно-правовых последствий Первой мировой войны стало формирование нового соотношения сил в мире, отличавшегося выходом на широкую международную арену американских государств.

Конечно, об эффективности возникших в годы Первой мировой войны норм и институтов международного права лучше всего свидетельствовало бы предотвращение новой мировой войны. Однако, как известно, события стали развиваться по другому сценарию. Вместе с тем можно говорить о значимых международно-правовых последствиях Первой мировой войны. Возможно, впервые в истории многие народы стали ощущать международное право как ценность, в этот период разрабатывались механизмы международно-правовой защиты различных категорий населения в период вооруженных конфликтов (беженцы, военнопленные), государства, имевшие серьезные противоречия, «учились» выработать консенсус в рамках международных организаций, на мировой арене появились новые государства, которые в дальнейшем стали активными субъектами международного права.

Литература

1. *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1. С. 259–263.
2. *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.
3. *Казаков В.П.* Аргентина и Первая мировая война: международная политика Иригойена // Латиноамериканский исторический альманах. 2007. № 7. С. 97–127.
4. *Кибальник А.Г., Мартиросян А.С.* О геноциде армянского населения в Первую мировую войну // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 131–133.
5. *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М.: Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.
6. *Костюк Р.В., Новикова И.Н.* Первая мировая война, Версальская система и современность // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 251–253.
7. *Кузьмин В.Ю.* Власть и общество в деле оказания медико-социальной помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2003. № 1. С. 167–173.
8. *Левин Б.Д.* Наука международного права в России в конце XIX и начале XX вв. М.: Международные отношения, 1982. 197 с.
9. *Международное право / Под общ. ред. В.Н. Дурденевского и С.Б. Крылова.* М.: Юридическое издательство, Образцовая типография, 1947. 612 с.
10. *Нагорная О.С.* Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // Российская история. 2008. № 5. С. 156–165.
11. *Назаров А.Н.* Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада) // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 41. С. 15–16.
12. *Петрова Е.Е.* Деятельность Общества мира (к 100-летию образования первой пацифистской организации в России) // История государства и права. 2009. № 8. С. 37–38.

13. Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2010. Т. 1. № 3. С. 92–105.
14. Пустогаров В.В. Романтик международного права. Жизнь и деятельность графа Л.А. Камаровского (1846–1912). М.: Диалог-МГУ, 1999. 62 с.
15. Степанян С.М. Помощь России армянам, подвергшимся геноциду в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 218–220.
16. Холодов В.А. Первая мировая война в восприятии населением Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3–1. С. 123–131.
17. Хорошева О.А. Внешняя политика Бельгии накануне и во время Первой мировой войны: монография. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. 294 с.

References

1. Eremin I.A. Voennoplenny'e Pervoj mirovoj voiny' v Zapadnoj Sibiri // Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta. 2007. Т. 310. № 1. С. 259–263.
2. Zhurbina N.E. Voennoplenny'e Germanii na territorii Rossii v gody' Pervoj mirovoj voyny' (1914–1918 gg.) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2008. № 2. С. 230–235.
3. Kazakov V.P. Argentina i Pervaya mirovaya vojna: mezhdunarodnaya politika Irigoiena // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manax. 2007. № 7. С. 97–127.
4. Kibal'nik A.G., Martirosyan A.S. O genocide armyanskogo naseleniya v Pervuyu mirovuyu voynu // Obshhestvo i pravo. 2011. № 5 (37). С. 131–133.
5. Kokoshkin F.F. Lekcii po obshhemu gosudarstvennomu pravu. М.: Br. Bashmakovy', 1912. 306 с.
6. Kostyuk R.V., Novikova I.N. Pervaya mirovaya vojna, Versal'skaya sistema i sovremennost' // Novaya i novejschaya istoriya. 2010. № 1. С. 251–253.
7. Kuz'min V.Yu. Vlast' i obshhestvo v dele okazaniya mediko-social'noj pomoshhi bezhenczam v gody' Pervoj mirovoj voiny' // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta. 2003. № 1. С. 167–173.
8. Levin B.D. Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v koncze XIX i nachale XX v. М.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1982. 197 с.
9. Mezhdunarodnoe pravo / Pod obshh. red. V.N. Durdenevskogo i S.B. Kry'lova. М.: Yuridicheskoe izdatel'stvo, Obrazczovaya tipografiya, 1947. 612 с.
10. Nagornaya O.S. Religioznaya zhizn' rossijskix voennoplenny'x v nemeczkix lageryax v gody' Pervoj mirovoj voiny' // Rossijskaya istoriya. 2008. № 5. С. 156–165.
11. Nazarov A.N. Pervaya mirovaya vojna v massovom soznanii rossijskogo naseleniya (na materialax Severo-Zapada) // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 41. С. 15–16.
12. Petrova E.E. Deyatel'nost' Obshhestva mira (k 100-letiyu obrazovaniya pervoj pacifistskoj organizacii v Rossii) // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 8. С. 37–38.
13. Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (social'no-e'konomicheskie aspekty' // Journal of economic regulation (Voprosy' regulirovaniya e'konomiki). 2010. Т. 1. № 3. С. 92–105.
14. Pustogarov V.V. Романтик международного права. Zhizn' i deyatel'nost' grafa L.A. Kamarovskogo (1846–1912). М.: Dialog-MGU, 1999. 62 с.

15. *Stepanyan S.M.* Pomoshh' Rossii armanam, podvergshimsya genocidu v gody' Pervoj mirovoj voiny' // *Novaya i novejshaya istoriya*. 2008. № 3. S. 218–220.
16. *Xolodov V.A.* Pervaya mirovaya vojna v vospriyatii naseleniem Orlovskoj gubernii (po dannym Orlovskoj pressy') // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 3–1. S. 123–131.
17. *Xorosheva O.A.* Vneshnyaya politika Bel'gii nakanune i vo vremya Pervoj mirovoj vojny': monografiya. M.: Institut vseobshhej istorii RAN, 2007. 294 s.

A.A. Dorskaya

International Legal Consequences of the First World War

The article examines the impact of the events of the First World War on the development of international law. It is shown that in the public mind the First World War was seen as the violation of international law. The development of new concepts and institutions of international law is revealed.

Keywords: international law; the First World War; prisoners of war; refugees; genocide; neutrality.

Н.Н. Ефремова

Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива)

В статье дан ретроспективный аналитический обзор основных этапов развития конституционных основ правосудия в отечественных основных законах, учредительных актах и конституционных проектах. Отмечается, что наряду с эволюционным периодом, Российскому государству известны и революционный слом, и радикальное реформирование фундаментальных принципов и институтов юстиции. Ее преобразованиям свойственны определенные закономерности и традиции, преемственность и новации.

Ключевые слова: правосудие; принципы правосудия; конституция; основные законы; судостроительство; судопроизводство; народный суд; судья; конституционные проекты.

Современный этап развития отечественного правосудия отмечен продолжающейся более двадцати лет судебной реформой. Ее принципы были заложены в Концепции судебной реформы 1991 г., которая, с одной стороны, восприняла либерально-демократические институты Судебных уставов 1864 г., а, с другой стороны, определила конституционные основы организации суда, установленные Конституцией Российской Федерации 1993 г. Уже эти основания позволяют говорить о традиции преемственности и новаций, характеризующие развитие базовых начал российской юстиции.

В современной доктрине под конституционными основами правосудия понимают принципы или руководящие начала, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны данного вида государственной деятельности. На сегодняшний день они закреплены в действующей Конституции Российской Федерации и развиты в последующем законодательстве о суде. Установленные Конституцией РФ основные положения соответствуют типу правового государства как демократические начала организации и деятельности судебных органов в интересах граждан, общества и государства. Гарантированность в главе 7 Конституции позволяет их считать конституционными принципами правосудия. К ним отнесены следующие: принцип законности правосудия (в качестве универсального); осуществление правосудия только судом (ч. 1 ст. 118); осуществление судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства;

судебная система РФ устанавливается Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом, создание чрезвычайных судов не допускается; независимость судей и подчинение их только Конституции РФ и федеральному закону; несменяемость судей (их полномочия могут быть приостановлены или прекращены лишь на основании и в порядке, установленном федеральным законом); неприкосновенность судей (привлечение их к уголовной ответственности допускается не иначе как в порядке, установленном федеральным законом); разбирательство дел в судах открытое (за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом); заочное рассмотрение не допускается (за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом); судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон; судебная система включает Конституционный суд, Верховный суд и Высший арбитражный суд (в настоящее время предусмотрено слияние двух последних), а также другие федеральные суды; доступность правосудия, доступность судебной защиты, гарантированность каждому защиты его прав и свобод (ч. 1 ст. 46); никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47); соответствие процессуальной процедуры (в том числе в уголовном процессе) общепризнанным принципам и нормам международного права в области прав человека, таким как состязательность, презумпция невиновности, право граждан на суд присяжных, предоставление обвиняемому права на квалифицированную юридическую помощь и др. (ч. 3 ст. 46, ч. 3 ст. 123, ст. 48, 49, 120).

Вместе с тем, отмечая гуманистические, демократические основы организации правосудия в Российской Федерации, установленные Конституцией РФ 1993 г., нельзя не вспомнить, какой путь они прошли в истории отечественного конституционализма. Обзорно-аналитический жанр настоящей публикации позволяет лишь коротко остановиться на конституционных актах, проектах, отдельных положениях соответствующих законов о суде прошлого, свидетельствующих о поступательном развитии основополагающих базовых принципов судостроительства и судопроизводства.

Разумеется, зрелые, развитые учредительные начала надлежащей организации правосудия характерны лишь для конституционного типа государств. Однако их прообразы и неразвитые по форме и по содержанию принципы и институты зарождаются задолго до того. Так, например, принцип отделения судебной власти от других ветвей государственной власти до своего воплощения в учредительных актах мог быть апробирован в эпоху просвещенной монархии и в других исторических формах государств.

В России первые попытки функционального и институционального разделения администрации и юстиции были предприняты уже в ходе судебных реформ Петра I и Екатерины II, т. е. уже в I и IV четвертях XVIII в., когда были созданы соответственно ландрихтеры, городовые и провинциальные суды,

надворные суды, или нижние и верхние сословные суды и палаты уголовного и гражданского суда [1].

Конечно, не стоит преувеличивать степень независимости суда, несомненно испытывающего контроль и влияние правительственных органов. Вместе с тем осознание необходимости такого разделения в целях обеспечения и совершенствования судебной деятельности абсолютными монархами свидетельствовало о начале прогресса ее организационных основ. И если петровские новеллы в судоустройстве претерпели контрреформу в период дворцовых переворотов, то преобразованный суд в ходе губернской реформы Екатерины II оказался долговечным.

Созданная на основании Учреждений для управления губерниями, утвержденными 7 ноября 1775 г. (II часть — в 1780 г.), судебная система обеспечивала уже внутрисословное формальное равенство участников процесса, а местные суды были отделены от административных органов. Вместе с тем судоустройство характеризовалось многоинстанционностью, судебный процесс — архаизмом, антигуманизмом и прочими пороками, что в последующие десятилетия вызывало очень серьезную критику не только представителей общественности, исповедовавших ценности Просвещения, но и правительства, осознавшего пороки и недостатки так называемого дореформенного (т. е. до Судебной реформы 1864–1899 гг.) суда.

До этого появлялись проекты и акты, в которых начала правосудия были основаны на либерально-демократических и гуманистических началах. Так, например, уже во «Введении к Уложению государственных законов» (1809 г.), подготовленном М.М. Сперанским, предлагалось выделить в особый, отдельный «порядок» государственной властной деятельности — «судный порядок», т. е. обособить структурно и функционально судебную власть. При этом предлагалось создать четырехзвенную судебную систему в империи: суд волостной – суд окружной – суд губернский – Сенат (в качестве Верховного суда). С учетом действовавшей в то время сословной, многоинстанционной судебной системы, включавшей в качестве звеньев органы, совмещавшие судебные и административные функции, проект был весьма прогрессивным, однако, как известно, он не был реализован.

В 1820 году был разработан еще один официальный конституционный проект «Государственной Уставной грамоты Российской империи», подготовленный Н.Н. Новосильцевым и переведенный позже с французского на русский язык с доработкой П.А. Вяземским, ставший известным, благодаря усилиям последнего, русской публике. В нем предусматривалось выделение из Сената, преобразуемого в верхнюю палату предполагаемого законодательного государственного Сейма, Верховного государственного суда в качестве обособленного от законодательных и исполнительных органов власти. Предлагалось также создание «Верховного суда наместнической области», апелляционных и низших судов. Однако на реализацию и этого проекта император не пошел [2: с. 129].

Вместе с тем можно привести и более успешный пример так называемой Конституции Польши 1815 г., дарованной Александром I и действовавшей до Польского восстания 1830 г., по которой суд объявлялся независимым, а судьи несменяемыми [4: с. 38].

Однако в имперском масштабе независимая судебная власть была учреждена и институционализирована лишь Судебными уставами 1864 г. Официальной целью этой «Великой» судебной реформы было создание в России суда скорого, равного, милостивого. Суд отделялся от следствия и администрации, судебная власть объявлялась независимой, а судьи несменяемыми. Провозглашались и внедрялись в практику суда прогрессивные принципы судостроительства и судопроизводства: состязательность, гласность, публичность процесса при формальном равенстве сторон (причем в условиях сохранения сословного строя), участие коллегии присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел, сочетание коронного и общественного начала в формировании судейского корпуса, назначаемости и выборности судей, обеспечение профессиональной юридической защиты обвиняемым и подсудимым, а также доступности правосудия и т. п.

Учреждая либерально-демократические начала правосудия и обеспечивая судебную защиту подданным, судебные уставы, по сути, явили собой первый шаг на пути преобразования Российской империи из абсолютной в конституционную монархию. Однако новая организация юстиции вводилась в образуемых судебных округах (не совпадавших с административными) поэтапно (до 1899 г.) и распространялась не на всю территорию России, сохраняя существенные отличия в суде так называемых «национальных окраин», что собственно традиционно и характерно для империй. Известна, тем не менее, такая оценка новой судебной организации в дореволюционной историографии как «судебная республика».

Ни Основные государственные законы Российской империи в последней редакции от 23 апреля 1906 г., ни акты Временного правительства не внесли значимых новаций в судебную систему, созданную на основе Судебных уставов 1864 г. Она просуществовала без существенных изменений до установления советской власти, а затем ликвидирована на основании Декрета о суде № 1 от 20 ноября 1917 г. Были упразднены окружные суды, судебные палаты, Правительствующий Сенат, военные и морские суды, судебные следователи, прокуроры, присяжные и частные поверенные; мировые же суды приостановлены, но так и не были возрождены до 1998 г., то есть уже в Российской Федерации.

Указанным Декретом легализовался самодеятельно формируемый революционным народом местный суд и вводился новый — революционные трибуналы, создаваемые по территориальному принципу. Формально провозглашались принципы равноправия сторон, выборности судей, гласности, публичности, однако этот суд ставился в зависимость от соответствующих

местных советов, как новых органов государственной власти, в соответствии с принципом «полновластия советов». Декреты о суде № 2 и № 3 (1918 г.) внесли некоторые изменения и дополнения: систему инстанций (местные народные суды — кассационные инстанции, уездный или столичный съезд народных судей), институт общественных правозаступников, общественных обвинителей и защитников и др. Функции расследования были еще с декабря 1917 г. возложены на Всероссийскую чрезвычайную комиссию, чуть позже и на местные ЧК.

По сути, Декреты о суде стали первыми учредительными актами для советской модели суда. Конституция РСФСР 1918 г. не содержала принципиальных положений о суде. Этот пробел восполнило Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г., создавшее в целях единства судебной системы народный суд в качестве ее основного звена. Последовавшая военная интервенция и гражданская война (конец 1918 – конец 1921 г.), обусловили политику «военного коммунизма», усиление репрессивных задач советского суда и расширение подсудности и функций ревтрибуналов.

С переходом к новой экономической политике (1921–1929 гг.) изменились и задачи суда, отразившие не только карательную, но и правоохранительную функции, вследствие чего в 1922 г. была проведена Судебная реформа. Положением о судеустройстве РСФСР от 31 октября 1922 г. устанавливалась единая судебная система, включившая в качестве судов общей юрисдикции следующие звенья: народный суд с участием двух народных заседателей – губернский суд – Верховный суд и его коллегии [5: с. 122]. Также создавались суды специальные: военные трибуналы, особые трудовые сессии, центральные и местные арбитражные комиссии (две последние подсистемы представляли собой квази-судебные учреждения). Были приняты Уголовно-процессуальный и Гражданско-процессуальный кодексы. Во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг. появился ряд нормативных актов, внесших некоторые изменения, направленные на расширение участия местного населения в общественных «судах», введение выборности судей и др. Также в ходе «районирования» изменились названия народных судов в соответствии с новыми территориальными округами.

Принципиальные изменения в нормативном оформлении основ судебной организации произошли в связи с принятием Конституции СССР 1936 г. и на ее основе — Конституции РСФСР 1937 г., а также Закона о судеустройстве 1938 г. Формально провозглашались: равенство прав граждан на судебную защиту, выборы народных судей гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, при тайном голосовании на 3 года (ст. 113 Конституции РСФСР 1937 г.), ведение судопроизводства на русском либо национальных языках автономной республики, или области, или национального округа (ст. 114 Конституции РСФСР 1937 г.), открытое разбирательство (ст. 115 Конституции РСФСР 1937 г.), независимость судей и подчинение

их только закону (ст. 116 Конституции РСФСР 1937 г.) и другие декларативные демократические принципы и процессуальные процедуры.

Указанный Закон о судеустройстве определял в качестве основных две задачи суда: 1) защита от посягательств на общественное и государственное устройство, социалистическую систему хозяйствования и социалистическую собственность; 2) обеспечение законности. Вводилась судебная система, состоявшая из народного суда (районного, городского, районного участкового) в составе народного судьи и двух заседателей; краевого, окружного, областного, автономной области суда (также с участием заседателей); Верховного суда РСФСР. Учреждались специальные суды: военные трибуналы, линейные и железнодорожные суды. Однако, вопреки декларированным конституционным основам правосудия, именно в 30–40-е гг. его принципы наиболее грубо нарушались, причем не только в процессе применения законодательства репрессивными структурами, но и путем внесения противоправных изменений в действующее законодательство Указами Президиума Верховного Совета СССР или законами последнего.

В период так называемой «оттепели», в 1958 г. были приняты новые Основы законодательства СССР и союзных республик о судеустройстве, а также о судопроизводстве, направленные на ликвидацию репрессивных начал в организации действовавших в предшествующий период судов и чрезвычайных квази-судебных органов, а также на создание новых институтов юстиции в духе социалистической демократии. Еще более прогрессивная с формальной точки зрения организация правосудия учреждалась Конституцией СССР 1977 г. и Конституцией РСФСР 1978 г., созданной на основе союзной. Большой прогресс в декларации конституционных основ правосудия был достигнут в период конституционных реформ конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., положивших начало принципу разделения властей, а соответственно независимости суда. Радикальное преобразование суда и процесса намечалось в Концепции судебной реформы 1991 г., однако его проведение началось уже в постсоветский постсоциалистический период и продолжается по сей день. Концепция была основана на принципах, во многом совпадающих с основами Судебных уставов 1864 г., однако современные институты юстиции все же отличаются от предшествующих [3: с. 22–23].

Вместе с тем анализ основополагающих принципов организации правосудия, установленных в законодательстве Петра I и Екатерины II, а также в вышеупомянутых конституционных проектах и актах XIX – начала XX века, позволяет отметить определенную их преемственность, прежде всего в форме, существо же их в реальном воплощении либо приближается к образцу, либо отстает от него в разной степени, в зависимости от ряда факторов: социально-экономических, политических, идеологических условий, конъюнктуры и прочих. Однако провозглашение России правовым демократическим государством в Конституции 1993 г. и ожидания общества требуют преодолеть

ния той деформации декларированной в основном законе надлежащей организации правосудия, которая наблюдается в реальности, и продолжения действенного поступательного приближения к его идеальной модели, тем более что базовые прогрессивные начала ее в определенной мере были апробированы в прошлом.

Литература

1. *Ефремова Н.Н.* Судебные органы в период становления государственного механизма Российской империи // *Право и политика.* 2008. № 8 (104). С. 2039–2044.
2. *Ефремова Н.Н.* Развитие органов юстиции в период административных реформ первой трети XIX в. // *Журнал российского права.* 2008. № 8. С. 128–138.
3. *Ефремова Н.Н.* Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XX – начала XXI в.) // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2009. № 1. С. 21–35.
4. *Пашенцев Д.А.* Конституция России: этапы развития. М.: Готика, 2008. 161 с.
5. *Суханбердиева А.Н.* Судебная реформа 1922 г. // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки».* 2013. № 1 (12). С. 121–124.

References

1. *Efremova N.N.* Sudebny'e organy' v period stanovleniya gosudarstvennogo mexanizma Rossijskoj imperii // *Pravo i politika.* 2008. № 8 (104). S. 2039–2044.
2. *Efremova N.N.* Razvitie organov yusticii v period administrativny'x reform pervoj treti XIX v. // *Zhurnal rossijskogo prava.* 2008. № 8. S. 128–138.
3. *Efremova N.N.* E'volyuciya otechestvennogo pravosudiya (sudebny'e reformy' XX – nachala XXI v.) // *Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki.* 2009. № 1. S. 21–35.
4. *Pashhencev D.A.* Konstituciya Rossii: e'tapy' razvitiya. M.: Gotika, 2008. 161 s.
5. *Suxanberdieva A.N.* Sudebnaya reforma 1922 g. // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki».* 2013. № 1 (12). S. 121–124.

N.N. Efremova

Development of the Constitutional Foundations of Justice in Russia (Historical Retrospective)

The article represents the retrospective analytical review of the main development stages of the constitutional bases of justice in domestic basic laws and constituent acts in the constitutional projects. Both revolutionary demolition and radical reforming of the fundamental principles and justice institutes along with evolution period are known in Russia. Certain principles and traditions, continuity and innovations are typical of these peculiar transformations.

Keywords: justice; principles of justice; constitution; basic laws; judicial system; legal proceedings; court organization; national court; judge; constitutional projects.

Т.М. Пряхина

Правовая неопределенность закона

В статье исследуются причины правовой неопределенности закона; дана оценка неопределенности как неотъемлемого качества, присущего нормативно-правовым актам; отмечается, что неопределенность закона может быть преодолена только в процессе его реализации.

Ключевые слова: правовая неопределенность; закон; язык закона; правотворчество; правоприменение.

Требование правовой определенности образует один из основополагающих аспектов принципа верховенства права, является его необходимым следствием и условием реализации. Требование правовой определенности применительно к закону было известно еще римскому праву: «закон всегда определен». Правовая определенность — важнейший фундамент правового порядка государства, гарантия стабильного и эффективного функционирования правовой системы страны в целом.

Принцип правовой определенности непосредственно не закреплен в тексте действующей Конституции РФ, тем не менее характеристика Российского государства как правового автоматически предполагает его включенность в национальную правовую систему (ст. 1 Конституции РФ).

Содержание принципа правовой определенности раскрывается посредством анализа правоприменительной практики. И это закономерно. Принцип правовой определенности не выделяется в качестве самостоятельного принципа правотворческой деятельности. Общая теория права к последним относит принципы демократизма, законности и конституционности, гуманизма, системности, профессионализма, научной обоснованности нормативно-правовых актов, принцип постоянного технического совершенствования принимаемых актов и ряд иных. Таким образом, принцип правовой определенности оформляется в качестве самостоятельного принципа правовой системы в тот момент, когда нормативно-правовой акт применяется на практике. Правоприменитель должен понять нормативно-правовой акт, квалифицированно его истолковать и грамотно использовать к конкретным правоотношениям. Проблема правовой определенности обостряется в том случае, когда правоприменитель не может понять содержание нормативного акта, осознать его логику, правильно идентифицировать цели и задачи правового акта либо если складывается противоречивая правоприменительная практика. В любом случае отсутствие правовой определенности свидетельствует о выхолащивании сущностных характеристик права, призванного упорядочивать общественные

отношения. Отсутствие правовой определенности становится источником новых конфликтов, провоцирует либо обостряет социальную напряженность. Вместе с тем можно утверждать, что некоторая степень неопределенности присуща любому закону, является его неотъемлемым качеством. В свете вышесказанного обратим внимание на ряд моментов, имеющих существенное значение для характеристики указанного свойства закона.

Во-первых, это проблема языка закона, языка изложения правовых норм. В правотворческой деятельности различных стран к изложению текста нормативно-правовых актов непременно предъявляются требования их краткости, компактности, ясности и доступности. В изложении текстов законов используется официально-деловой стиль. Он существенно отличается от стиля как художественно-литературных произведений, так и от стиля обыденной разговорной речи. В текстах законов и иных нормативно-правовых актов не должно содержаться общих рассуждений и изложений каких бы то ни было научных положений, художественных сравнений, деклараций, призывов, текстовых длиннот, неоправданных сокращений [5: с. 246]. Достоинство языка закона — его изящество, выражаются иными способами, посредством строгой логичности, краткости, точности, ясности [8: с. 84]. Вместе с тем полагаем, что «неясность закона» не может ограничиваться сферой недостатков текстов правовых норм, таких как его неполнота, темнота, неточность и двусмысленность [3: с. 257]. Проблемы неясности закона связаны с правоприменительной практикой, и их порождают, провоцируют объективные причины, неустранимые на уровне текста.

Право — вербальная система, оно формулируется посредством языка. Однако восприятие этих знаков, даже при точности юридического языка, во многом определяется характеристиками адресата, к которому обращена правовая норма, либо субъекта, применяющего правовую норму. Как справедливо отмечает выдающийся израильский юрист А. Барак: «Статусная норма выражается на языке человеческих существ, который состоит из знаков или символов, не имеющих независимого внутреннего значения, но скорее образующих отношения, которые воспринимаются людьми, говорящими на этом языке. Эти описания не всегда вызывают простые единые образы из памяти тех, кто пользуется этим языком, иногда различные образы у различных людей. Вот почему язык статута временами двусмыслен, неопределен, туманен и не специализирован» [1: с. 64–65]. Содержание информации, отправляемой создателем нормы права, не всегда адекватен тому значению, которое придает информации ее получатель. Не всегда слова являются неопределенными при всех обстоятельствах. Если бы это было так, было бы невозможно никакое общение людей. В различных языковых выражениях неопределенность варьируется. Кроме того, отсутствие определенности — это функция контекста. В некоторых контекстах неопределенность существует, тогда как в других исчезает. Содержание закона всегда глубже и шире, чем его текст. Задача правоприменителя выявить это содержание и использовать его в конкретной системе фактов и норм.

Таким образом, неопределенность изначально закладывается в текст закона в силу требований краткости и лаконичности его языка, в силу преваляро-

вания содержания закона над его текстом. Неопределенность преодолевается посредством истолкования закона. Понять закон — значит истолковать его. Однако в силу всеобщности закона его толкуют различные субъекты, с различным уровнем правосознания юридической грамотности, неодинаковым публичным статусом и компетенцией, противоречивыми целями и интересами. Официальное толкование закона, произведенное компетентным органом, призвано преодолеть некоторый уровень правовой неопределенности, изначально заложенный в нормах закона. Организация правовой системы и государственной власти должна обеспечить быстрое и доступное получение информации об официальном понимании содержания закона.

Во-вторых, правовая норма начинает «работать», и ее значение приобретает подлинное звучание в момент применения ее к конкретным событиям, фактам и персонам. Ясное правовое правило в отношении конкретных фактов может быть неопределенным в отношении иных фактов. Преодоление посредством толкования неопределенности правовых правил не исключает их неопределенности при иных обстоятельствах либо для иного интерпретатора. Устранение данного недостатка достигается за счет обеспечения единообразия правоприменительной практики.

В-третьих, правовая неопределенность зачастую является сознательным допущением законодателя. Законодатель использует неясные выражения, хорошо зная, что они создадут неопределенность, потому, что он желает дать суду полномочие выбирать подходящую альтернативу [1: с. 67-68]. Законодатель отдает решение вопросов на усмотрение правоприменителя, рассчитывая на то, что он конкретизирует его законодательную волю. Данная мера обеспечивает стабильность закона. Правоприменитель оценивает содержание правовой нормы в изменившихся социально-политических условиях. Вариативность оценок, допускаемая неопределенностью содержания, позволяет гибко применять закон.

В-четвертых, неопределенность правовой нормы порождается необходимостью обеспечения принципа равенства всех перед законом и судом. Равную меру закон воздает за деяния равным по статусу субъектам. Однако субъекты правоотношений, и прежде всего граждане, различаются по своему статусу, уровню образования, состоянию здоровья, психологическим характеристикам, физическим возможностям и т. п. И эти фактические различия нельзя не учитывать, иначе невозможно будет принять справедливое решение.

В-пятых, неопределенность может быть результатом квалифицированного молчания законодателя, когда он намеренно оставляет вопрос открытым, воздерживается от принятия нормы, показывая тем самым нежелание ее применять, относя решение дела за пределы законодательной сферы [7: с. 434]. Право как универсальный регулятор пользуется повышенной востребованностью. И в ситуации, когда социальный запрос на правовое регулирование сталкивается с квалифицированным молчанием законодателя, правоприменитель может использовать неопределенность как средство расширения пределов правового регулирования. Подобная практика юридически небезупречна. Однако судебное правотворчество является ее логичным продолжением.

В-шестых, проблема судейского усмотрения есть необходимое следствие правовой неопределенности. Допустимая неопределенность правовой нормы, имеющей ряд значений, в равной степени законных в контексте действующего правового регулирования, позволяет судье выбирать наиболее приемлемое из них в контексте конкретной ситуации.

В-седьмых, проблема правовой неопределенности актуализируется в том случае, когда закон отторгается обществом. Как справедливо отмечает М.И. Клеандров: «Классическая, но естественная погрешность законопроекта, а особенно — законодателя: он разрабатывает идеальный закон, который должен хорошо работать в неидеальном обществе» [4: с. 10]. Идеального общества никогда не было, нет и не будет. Идеальный закон, реализующийся в неблагоприятных условиях, порождает правовую неопределенность. Идеальный закон не считается, не воспринимается, не понимается «грешным» обществом. Закон не работает не потому, что плох его текст, а потому, что уровень развития общества не соответствует планке, заданной законодателем. Что делать в подобной ситуации? Отменять закон? Принимать закон, рассчитанный на неразвитые формы общественных отношений, низкий уровень правовой культуры населения, низкий уровень правосознания граждан? Полагаем, что в данном случае следует ввести жесткое требование законодательной техники: необходимым приложением к любому закону должна быть программа (концепция, «дорожная карта» и т. п.) его реализации. Данный документ призван четко обозначить комплекс организационных, институциональных, экономических, идеологических мероприятий, обеспечивающих реализацию закона. При этом следует обозначить зоны конфликта закона и общества, указать меры, сглаживающие конфликт. Кстати сказать, язык права изначально ориентирован на этот «зазор» между сущим и должным. Нельзя не согласиться с В.С. Нерсесянцем, отмечающим тот факт, что юридический язык не просто описывает то или иное фактическое состояние, но трактует его с позиций юридически должного, то есть, по существу, предписывает рассматриваемому фактическому состоянию соответствующее ему юридически должное [6: с. 383].

В-восьмых, неопределенность порождается сознательным либо неосознанным противодействием закону. В.М. Баранов абсолютно справедливо полагает, что одним из необходимых условий обеспечения качества закона должно быть специальное, своевременное исследование сферы возможного противодействия ему. Речь идет о необходимости постоянного и последовательного исследования в ходе законопроектной работы «отрицательного пласта», «негативной стороны» будущего функционирования принимаемого закона. Без знания этого «пласта» о качестве закона говорить не приходится [2: с. 34–35, 38]. Противодействие может приобрести форму неправильной интерпретации закона, искажающей волю законодателя. Изначальная неопределенность закона в подобной ситуации предоставляет широкий простор для отрицания закона, отторжения его правоприменителем.

В-девятых, проблема правовой неопределенности обостряется в случае принятия популистских, конъюнктурных, псевдосоциально-ценных законов, под которые создается искусственный, фальшивый, недолговечный

микроклимат. Пределы правового регулирования объективно обусловлены. Нельзя искусственно юридизировать определенные социальные отношения. Законы популистского толка обычно очень нуждаются в искусственных юридических «сооружениях», а точнее, «нагромождениях». Содержание этих «нагромождений» невозможно расшифровать на языке права. Политизированность закона воспринимается как его правовая неопределенность. Грань между политикой и правом чрезвычайно тонка, но она существует. Бессмысленно также возводить «китайскую стену» между правом и политикой. Следовательно, правовая определенность обеспечивается соблюдением границ между политикой и правом и их активным взаимодействием по легальным каналам.

В-десятых, неопределенность порождается эволюцией права, которая происходит в результате отставания закона от общественной жизни. Норма закона остается прежней, но меняется ее понимание. При этом правоприменитель, общество, заинтересованный субъект помнят, как закон трактовался ранее. В результате складывается мнение, что закон может быть произвольно истолкован, откорректирован согласно собственным потребностям. Часть субъектов, столкнувшись с подобной ситуацией, будет испытывать недоумение относительно того, какое понимание закона является правильным. Как следствие — складывается впечатление, что содержание закона расплывчато, туманно. Подобная ситуация опасна тем, что она способствует снижению уровня доверия к праву и государству. Когда субъект не может предвидеть, каким образом будет применен действующий закон, он не может знать реакцию публичной власти на свои поступки, а значит, не может правильно оценить их правомерность. Одновременно закон должен быть стабильным. Его отставание от жизни преодолевается посредством механизма актуализации.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что неопределенность присуща тексту закона и она не может быть полностью исключена. Неопределенность есть внешнее проявление контекста, содержащегося в законе. Данное допущение предполагает, что неопределенность нивелируется в ходе правоприменительной деятельности, что позволяет закону играть роль универсального регулятора общественных отношений. Таким образом, принцип правовой определенности начинает работать в тот момент, когда закон начинает действовать и всем участникам правоотношений необходимо прийти к общему мнению по поводу его содержания, либо компетентный орган или лицо принимает авторитетное решение относительно содержания закона, обязательное для всех иных субъектов.

Литература

1. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. М.: НОРМА, 1999. 376 с.
2. Баранов В.М. Прогнозирование вариантов противодействия закону как необходимое условие его качества (техничко-юридический аспект) // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сб. ст. / Под общ. ред. С.Б. Полениной, В.М. Баранова,

Е.В. Скурко. М. – Н. Новгород: ГУ ИГП РАН, Нижегород. исслед. научно-приклад. центр «Юридическая техника», 2007. С. 34–39.

3. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса: Экономическая типография, 1901. 400 с.

4. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 600 с.

5. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2006. 640 с.

6. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для юрид. вузов и фак-тов. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. 552 с.

7. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2001. 832 с.

8. *Спасов Б.* Закон и его толкование: пер. с болгар. М.: Юрид. лит, 1986. 247 с.

References

1. *Barak A.* Sudejskoe usmotrenie: per. s angl. М.: NORMA, 1999. 376 s.

2. *Baranov V.M.* Prognozirovanie variantov protivodejstviya zakonu kak neobxodimoe uslovie ego kachestva (texniko-yuridicheskij aspekt) // Pravotvorchestvo i texniko-yuridicheskie problemy' formirovaniya sistemy' rossijskogo zakonodatel'stva v usloviyax globalizacii: sb. st. / Pod obshh. red. S.B. Poleninoj, V.M. Baranova, E.V. Skurko. М. – N. Novgorod: GU IGP RAN, Nizhegorod. issled. nauchno-priklad. centr «Yuridicheskaya texnika», 2007. S. 34–39.

3. *Vas'kovskij E.V.* Civilisticheskaya metodologiya. Ch. 1: Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskix zakonov. Odessa: E'konomicheskaya tipografiya, 1901. 400 s.

4. *Kleandrov M.I.* E'konomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashhee, budushhee. М.: Volters Kluver, 2006. 600 s.

5. *Marchenko M.N.* Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. М.: Velbi, Prospekt, 2006. 640 s.

6. *Nersesyancz V.S.* Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya yuridicheskix vuzov i fakul'tetov. М.: INFRA-M-NORMA, 1997. 552 s.

7. Problemy' obshhej teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / Pod obshh. red. V.S. Nersesyancza. М.: NORMA, 2001. 832 s.

8. *Spasov B.* Zakon i ego tolkovanie: per. s bolgar. М.: Yurid. lit, 1986. 247 s.

T.M. Pryakhina

Legal Uncertainty of Law

The article investigates reasons for legal uncertainty of law; appraises uncertainty as an inseparable quality of regulatory legal acts; it also states that the uncertainty of law can be overcome only in the process of its realization.

Keywords: legal uncertainty; law; language of law; law-making; law enforcement.

**В.К. Кузьменко,
И.Н. Куксин**

Уголовно-правовые нормы о контрабанде государств — членов Таможенного союза: проблемы унификации

Авторами проведен сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду, определены расхождения и сделан вывод о необходимости унификации данных норм на основе положений Модельного уголовного кодекса СНГ.

Ключевые слова: контрабанда; унификация; уголовное законодательство; Единая таможенная территория Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; Государственная граница Российской Федерации.

В рамках создания Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации проделана большая работа. Сформирована нормативно-правовая база Таможенного союза, Единый таможенный тариф Таможенного союза, единая система внешнеторгового и таможенного регулирования, санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля, институциональная структура Таможенного союза, единая система мер регулирования внешней торговли, перенос всех согласованных видов государственного пограничного контроля (таможенного, транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного) на внешние границы государств — членов Таможенного союза, унификация торговых режимов и защитных мер по отношению к третьим странам.

Тем не менее, несмотря на успешное функционирование Таможенного союза и достигнутые результаты, первые годы существования интеграционного объединения выявили ряд проблем, которые предстоит решить, среди них — отсутствие унифицированных уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за нарушение таможенного законодательства.

В соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза территории Республики Казахстан, Республики Беларусь и Российской Федерации составляют Единую таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (далее — ТС)¹. Следовательно, перемещение товаров между странами Таможенного союза осуществляется свободно, за исключением товаров, оборот которых запрещен или ограничен в соответствии с Единым перечнем товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз или вывоз государствами — членами Таможенного союза в торговле с третьими странами, утвержденным решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 № 134².

В условиях снятия контроля за перемещением товаров на внутренних границах стран — членов Таможенного союза особую актуальность приобретает борьба с таким преступлением, как контрабанда и необходимость унификации национального законодательства стран — членов Таможенного союза об уголовной ответственности за нарушение таможенного законодательства, так как одним из основных условий успешного развития и функционирования Таможенного союза является эффективная и взаимно скоординированная работа правоохранительного блока стран — членов Таможенного союза.

Снятие ограничений на внутренних границах стран — членов Таможенного союза привело к снижению возможности контроля за движением товаров и так осложненной либерализацией и открытием экономик, вызванных увеличением степени глобализации и международной интеграции. Такой ситуацией активно пользуются недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности. Подтверждение тому следующие цифры. По итогам работы за 11 месяцев 2013 года таможенными органами Российской Федерации возбуждено 1796 уголовных дел, в том числе 465 дел — по статье 226.1 УК России «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов»;

¹ Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 г. № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

776 дел — по статье 229.1 УК России «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ». Стоимость незаконно перемещенных через таможенную границу Таможенного союза либо Государственную границу Российской Федерации товаров составила более 2 млрд рублей, сумма неуплаченных таможенных платежей — более 2,4 млрд рублей¹.

Необходимо отметить, что контрабанда представляет собой не только преступление, нарушающее таможенное законодательство Таможенного союза и законодательство членов Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, но и, являясь непосредственным посягательством на финансово-экономические системы стран — членов Таможенного союза, причиняет огромный ущерб экономике этих государств в целом.

В настоящее время соответствующая унификация не осуществлена, что способствует перемещению товаров на территорию Таможенного союза отдельными участниками ВЭД с нарушением таможенного законодательства через страну с менее высокими санкциями за данные преступления, а в некоторых случаях даже невозможность привлечения к уголовной ответственности лица одной страной — участницей Таможенного союза в связи с отсутствием ответственности за соответствующее преступление в законодательстве другой страны — участницы Таможенного союза.

Однако законодателями трех государств интеграционного объединения предпринимаются определенные шаги в данном направлении, которые условно можно разделить на наднациональные и национальные.

На наднациональном уровне приняты:

– решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 г. № 17². Пунктом 9 указанного решения государствам-членам поручено в срок до 1 июля 2010 года обеспечить приведение национального законодательства в соответствие с Таможенным кодексом Таможенного союза;

– решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 г. № 267³.

Указанным решением было обозначено, что в целях приведения национального уголовного и административного законодательства стран — членов

¹ Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – URL: <http://www.customs.ru> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

² Решение Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) от 27.11.2009 г. № 17 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasian-commission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

³ Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 г. № 267 «О ходе приведения национальных законодательств Сторон в соответствие с Таможенным кодексом Таможенного союза» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

Таможенного союза в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза унификацию национальных законодательств было бы целесообразным осуществить в два этапа: первый этап (до 01 июля 2010 года) — внесение технических поправок в соответствующие статьи уголовного и административного законодательства государств — членов Таможенного союза, которые приведут термины указанных отраслей права в соответствие с терминологией таможенного законодательства Таможенного союза — «таможенная территория Таможенного союза», «таможенная граница Таможенного союза», «перемещение товаров через таможенную границу Таможенного союза» и ряд других; второй этап (до 01 января 2011 года) — разработка, с учетом правоприменительной практики, модельных поправок в уголовное и административное законодательство государств — членов Таможенного союза в области таможенного регулирования;

– решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 г. № 50¹.

В соответствии с пунктом 1 были приняты Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза² и Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств — членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях³.

Пунктом 2 этого же решения правительствам государств — членам Таможенного союза поручено обеспечить приведение национального законодательства в соответствии с указанными международными договорами;

– решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 09.12.2010 г. № 64⁴.

Пунктом 3 указанного решения Правительствам государств поручено обеспечить до конца 2010 г. приведение национального законодательства, включая уголовное и административное право, в соответствии с законодательством Таможенного союза.

¹ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 г. № 50 «О международных договорах Таможенного союза в сфере сотрудничества по уголовным и административным делам» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

² Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза (Подписан в г. Астане 05.07.2010 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

³ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 г. № 50 «О международных договорах Таможенного союза в сфере сотрудничества по уголовным и административным делам» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

⁴ Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств — членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях (Заклучено в г. Астане 05.07.2010 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

Теперь рассмотрим реализацию этих решений на национальном уровне государств — членов Таможенного союза.

Все страны Таможенного союза ратифицировали Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза. Сначала указанный Договор ратифицировала Российская Федерация (Федеральный закон от 5 апреля 2011 г. № 59-ФЗ), потом Республика Беларусь (Законом Республики Беларусь от 8 мая 2011 г. № 248-З) и Республика Казахстан (Законом Республики Казахстан от 8 декабря 2011 г. № 506-IV). Таким образом, все страны — участницы Таможенного союза взяли на себя обязательства в соответствии с частью 2 статьи 3 Договора о принятии мер по внесению изменений в свое законодательство, предусматривающее в том числе и уголовную ответственность за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства государств — членов Таможенного союза и приведение к единообразному определению противоправности таких деяний.

Первой в Уголовный кодекс в части приведения в соответствие с терминологией таможенного законодательства Таможенного союза внесла изменения Республика Казахстан (Закон Республики Казахстан от 30 июня 2010 г. № 297-IV). В Уголовном кодексе Казахстана ответственность установлена за незаконное перемещение «через таможенную границу Таможенного союза и (или) Государственную границу Республики Казахстан».

В Российской Федерации с вступлением в силу Федерального закона от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» для применения статьи 188 УК России относительно контрабанды не только обычных товаров, но и наркотических средств, оружия необходимо было внесение в данную норму соответствующих изменений, в части замены понятия «таможенная граница Российской Федерации» понятием «таможенная граница Таможенного союза».

Такие изменения были внесены лишь в связи с вступлением в силу Федерального закона от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, которым статья 188 УК России была исключена из Уголовного кодекса Российской Федерации, а деяния, предусмотренные частью 2 указанной статьи, включены в диспозицию новых статей 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей» главы 24 УК России «Преступления против общественной безопасности» и 229.1 УК России «Контрабанда наркотических средств, психотропных ве-

ществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» главы 25 УК России «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» [1].

За экономическую контрабанду в Республике Беларусь и Республике Казахстан предусмотрена административная и уголовная ответственность. С принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Российской Федерации за экономическую контрабанду предусмотрена только административная ответственность [3]. Также в отличие от упраздненной части 1 статьи 188 УК России в диспозициях статей 226.1 и 229.1 отсутствуют признаки объективной стороны, которые определены в статьях Уголовного кодекса Республики Казахстан и Беларусь.

Таким образом, изменения, внесенные в Уголовное законодательство в Российской Федерации после подписания Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза в части приведения к единообразному определению противоправности таких деяний, по некоторым конструктивным аспектам являются, на наш взгляд, более совершенные, в то же время назвать их направленными на унификацию нельзя, так как редакции статей 226.1 и 229.1 стали иметь больше различий с аналогичными нормами в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Исследование уголовных кодексов стран СНГ позволяет отметить их сходство в решении вопросов, которые касаются установления ответственности за контрабанду. Эти нормы относятся к группе экономических, хозяйственных или преступлений в сфере финансовой деятельности.

В то же время необходимо отметить разность подходов законодателя к рассматриваемому составу преступления.

Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан показал, что в Уголовных кодексах стран — членов Таможенного союза по-разному сформулированы диспозиции статей, предусматривающих ответственность за контрабанду, что негативно скажется на принятии решения о привлечении к уголовной ответственности.

Принимая во внимание перспективу расширения Таможенного союза за счет присоединения Республики Армении и Кыргызской Республики, в вопросе унификации уголовного законодательства также представляют интерес нормы этих стран, предусматривающие уголовную ответственность

за контрабанду. (Во исполнение Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 12 октября 2013 года № 82 была начата и в настоящее время завершается подготовка проекта Дорожной карты присоединения Кыргызской Республики к Таможенному союзу Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.)

По Уголовному кодексу Российской Федерации предметами преступлений, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1, являются только такие предметы, оборот которых запрещен или в отношении которых установлены специальные правила оборота.

Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает контрабанду двух видов: контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено, отнесенная к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (статья 250); контрабанда других товаров и предметов как экономическая контрабанда (статья 209), отнесенная к преступлениям в сфере экономической деятельности¹.

В Республике Беларусь уголовная ответственность установлена за контрабанду товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к перемещению (статья 228)².

В Модельном уголовном кодексе для стран СНГ с учетом специфики объекта посягательства уголовная ответственность за контрабанду закреплена следующим образом:

– контрабанда как преступление против общественной безопасности, когда предметом незаконного перемещения через таможенную границу государства являются наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые и другие опасные вещества, оружие, военная техника, оружие массового поражения и другие опасные вещества, средства или предметы (статья 198 «Контрабанда», раздел VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения», глава 23 «Преступления против общественной безопасности»);

– экономическая контрабанда как преступление против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, когда предметом незаконного перемещения через таможенную границу являются другие товары и предметы (статья 278 «Экономическая контрабанда», глава 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности»)³.

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан. – URL: <http://law.delovoimir.kz> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. – URL: <http://mvd.gov.by> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

³ Модельный уголовный кодекс для государств — участников СНГ. – URL: <http://www.icrc.org> (дата обращения: 27.01.2014 г.); Уголовный кодекс Республики Армения. – URL: <http://parliament.am> (дата обращения: 27.01.2014 г.); Уголовный кодекс Республики Киргизия. – URL: <http://online.adviser.kg> (дата обращения: 27.01.2014 г.).

Необходимо отметить, что из стран, входящих в Таможенный союз, только в Уголовный кодекс Республики Беларусь не внесены изменения относительно таможенной границы. Здесь по-прежнему незаконным является перемещение через «таможенную границу республики», а не Таможенного союза.

Такая ситуация представляется недопустимой и ставит под вопрос законность возбуждения уголовных дел по признакам контрабанды, в случаях незаконного перемещения предметов через таможенную границу Таможенного союза в зоне ответственности государственных органов Республики Беларусь и в случаях их незаконного перемещения через государственную границу Республики Беларусь с Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Объективная сторона данного преступления состоит в перемещении через таможенную границу государства (в Казахстане — таможенную границу Таможенного союза) товаров или иных предметов, совершаемом:

- 1) помимо или с сокрытием от таможенного контроля (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия);
- 2) либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия);
- 3) либо сопряженное с недекларированием или (заведомо) недостоверным декларированием (Беларусь, Казахстан, Киргизия).

К объектам посягательства относятся:

– товары или иные предметы, провозимые через границу указанными выше способами, как правило, в крупном размере (Армения, Казахстан, Киргизия);

– товары или иные предметы, запрещенные или ограниченные к такому перемещению (Беларусь, Казахстан);

– наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, радиоактивные, взрывчатые вещества (Армения, Беларусь, Киргизия);

– взрывные устройства, военное оружие и техника (за исключением гладкоствольного охотничьего оружия и боеприпасов к нему), огнестрельное оружие или боеприпасы, ядерное, химическое, биологическое и другие виды оружия массового уничтожения, материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения и в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия);

– стратегически важные сырьевые товары (Армения, Киргизия);

– предметы, представляющие культурную, историческую или археологическую ценность, в отношении которых установлены соответствующие правила перемещения через таможенную границу (Армения, Киргизия).

При анализе отягчающих обстоятельств не наблюдается особых различий.

К квалифицированному составу относят деяния, совершенные:

– неоднократно (Беларусь, Казахстан);

– группой лиц по предварительному сговору (Беларусь, Казахстан);

– лицом, освобожденным от определенных форм таможенного контроля, или лицом, уполномоченным на перемещение через таможенную границу отдельных товаров или транспортных средств, освобожденных от установленных форм таможенного контроля (Армения);

– в отношении особо опасных наркотических средств или психотропных веществ (Беларусь, Казахстан);

– должностным лицом с использованием своего служебного положения (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия);

– с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия).

К особо квалифицированному составу относятся деяния, совершенные:

– организованной группой (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия).

Стратегически важные товары и ресурсы как объект посягательства (статья 226.1 УК России) в уголовном кодексе Республики Беларусь и Республики Казахстан вообще отсутствуют.

Стратегически важные товары и ресурсы являются особой категорией товаров, подтверждение тому и то, что, несмотря на декриминализацию товарной контрабанды, в отношении стратегически важных товаров и ресурсов законодателем было принято решение оставить уголовную ответственность за их контрабанду. Они не только составляют значительный объем экспорта и как следствие поступление таможенных платежей в бюджет, но и являются национальным богатством страны (лес, нефть, драгметаллы, дикие животные и др.). Все это требует их особой охраны, в том числе и правовой.

Отсутствие соответствующей ответственности за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в уголовных кодексах Казахстана и Белоруссии, порождает их беспрепятственный вывоз из Российской Федерации в Казахстан или Белоруссию, а потом бесконтрольно и в третьи страны. Для Казахстана и Белоруссии вопрос особого контроля в отношении вывозимого через их границы российского леса, нефти, драгметаллов, диких животных и других стратегически важных товаров и ресурсов Российской Федерации, естественно, не актуален.

Субъектами контрабанды в соответствии с уголовным законодательством стран — членов Таможенного союза является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Конструкция анализируемых норм указывает только на один обязательный элемент субъективной стороны состава преступления — умышленной формы вины, то есть лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершить.

Самым распространенным видом наказания за контрабанду является лишение свободы. Так, указанная санкция предусмотрена во всех уголовных кодексах стран — участниц Таможенного союза. Максимальное наказание за незаконное перемещение наркотических средств или психотропных ве-

ществ, совершенные в особо крупном размере, содержится в уголовном кодексе Казахстана и предусматривает лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества либо пожизненное лишение свободы с конфискацией имущества.

Конфискация предметов контрабанды, а также орудий и транспортных средств, в независимости являлось ли лицо владельцем этих предметов, применяется каждым государством Таможенного союза.

Существенно отличается размер груза в странах Таможенного союза, а также указание некоторых категорий предметов, за незаконное перемещение которых уголовная ответственность наступает только при наличии высокой стоимости перемещаемого предмета.

Таким образом, исследование уголовных кодексов стран СНГ позволяет отметить как их сходство в решении вопросов, которые касаются ответственности за преступления, связанные с перемещением товаров и иных предметов через таможенную границу, так и отличия, в том числе и связанные со спецификой региона. В Уголовном кодексе Республики Казахстан, например, особое внимание уделено вопросу контрабанды наркотических и психотропных веществ.

Проведенный сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм государств — членов Таможенного союза подтверждает необходимость единообразно сформулировать уголовно-правовые нормы о контрабанде в национальных уголовных кодексах этих государств.

В связи с интенсивным развитием интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС национальное законодательство государств — членов Таможенного союза поэтапно проходит процессы гармонизации и унификации, что позволит перейти к единообразному правовому регулированию [2].

Следует отметить, что, несмотря на усиливающиеся интеграционные процессы, создание таможенных союзов, формирование иных экономических пространств, вопрос об ответственности за контрабандные преступления в законодательствах большинства стран решается не однозначно, имеются расхождения как в дефиниции «контрабанда», так и в определении вида наказания за нее.

Процесс унификации является сложным и зачастую очень длительным. При его использовании законодатели государств-партнеров не всегда успевают за развитием международных отношений.

Сами внешнеэкономические отношения также характеризуются сложностью, многообразием и динамичностью, соответственно и нормы, регулирующие их, должны также быть динамичными и универсальными. Таким образом, в условиях функционирования Таможенного союза нельзя останавливаться только на унификации таможенного законодательства и забывать о таких смежных отраслях, как уголовное, административное, гражданское и другие. Только выработка единого универсального блока международных

и национальных норм позволит странам — участницам Таможенного союза развиваться, достигая высоких результатов во внешней и взаимной торговле, и эффективно обеспечить защиту своих стран от экономической, энергетической, экологической, продовольственной и других угроз.

Несмотря на сложность вопроса и различные подходы к определению предмета контрабанды и ответственности за нее, унификация необходима и имеет не только теоретическое, но и прежде всего важное практическое значение — единообразное и неукоснительное применение таможенного законодательства Таможенного союза на территории государств-членов. В противном случае не будет создано правовых механизмов ответственности за нарушения предписаний таможенного законодательства Таможенного союза.

Возможность, а главное, реальность такого рода унификации подтверждена работой над Таможенным кодексом Таможенного союза.

Эффективное функционирование Таможенного союза невозможно без обеспечения странами совместной защиты от потенциального экономического ущерба со стороны третьих стран и усиления противодействия общим экономическим угрозам.

В связи с разночтениями, имеющими принципиальное значение для квалификации контрабанды, совершенной на территории государств — участников Таможенного союза, не вызывает сомнения необходимость установления уголовной ответственности за контрабанду путем закрепления в уголовных законах трех государств единой нормы об ответственности за контрабанду.

Таким образом, на наш взгляд, представляется целесообразным обратиться к Модельному уголовному кодексу для государств — участников СНГ: закрепить в отдельных статьях УК ответственность за экономическую контрабанду и за контрабанду как преступление против общественной безопасности.

При этом за экономическую контрабанду целесообразно установить ответственность за незаконное перемещение товаров и иных предметов, находящихся в свободном гражданском обращении в крупном размере (подход к определению крупного размера также должен быть максимально близким). Ответственность за контрабанду специальных предметов вне зависимости от стоимостных и количественных характеристик. Перечни таких предметов также должны быть едиными для всех государств Таможенного союза.

В связи с указанными предложениями считаем возможным, рассмотреть вопрос о возвращении статьи 188 в УК России. В части первой указанной статьи предусмотреть ответственность за незаконное перемещение товаров и иных предметов в крупном размере, а в часть вторую включить ответственность за незаконное перемещение стратегически важных товаров и ресурсов (исключив их из статьи 226.1 УК России) также в крупном размере. При этом для каждой из частей установить свой крупный размер в зависимости от степени общественной опасности совершенного преступления.

Подводя итог, подчеркнем еще раз, что, несмотря на неоднозначный подход к определению понятия контрабанды, определению вида наказания за нее

как законодателей стран — членов Таможенного союза, так и в юридической литературе в целом, работу по унификации необходимо продолжить в числе первоочередных задач. Безусловно, возможны недостатки, сложности и проблемы сконструированной единой нормы об ответственности за контрабанду, выявленные в правоприменительной деятельности, в данном случае основная задача стоит в оперативном принятии согласованных мер странами — участницами Таможенного союза, нацеленных на совершенствование нормотворческой деятельности.

Литература

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
2. *Сухаренко А.* Борьба с контрабандой стратегических товаров и ресурсов // ЭЖ-Юрист. 2012. № 43. С. 10.
3. Таможенное регулирование в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС: учебник / Под общ. ред. В.А. Шамахова, Ю.А. Кожанкова. 2-е изд. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2013. 628 с.

References

1. Federal'nyj zakon ot 7 dekabrya 2011 g. № 420-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ot del'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 50. St. 7362.
2. *Suxarenko A.* Bor'ba s kontrabandoj strategicheskix tovarov i resursov // EZh-Yurist. 2012. № 43. S. 10.
3. Tamozhennoe regulirovanie v Tamozhennom soyuze v ramkax EvrAzES: ucheb-nik / Pod obshh. red. V.A. Shamaxova, Yu.A. Kozhankova. 2-e izd. SPb.: SZIU RANXiGS, 2013. 628 s.

*V.K. Kuzmenko,
I.N. Kuksin*

The Criminal and Legal Norms about Smuggling of Members States of the Customs Union: the Unification Problems

The authors conducted a comparative legal analysis of the criminal law norms of the Russian Federation, Belarus, Kazakhstan, which stipulate criminal responsibility for smuggling, identified discrepancies and made conclusions about the need for uniformity of these rules on the basis of the provisions of the Model Penal Code of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: smuggling; unification; criminal legislation; joint customs territory of the Customs Union in the frames of EurAsEC; state frontiers of the Russian Federation.

**С.Н. Чурилов,
В.Г. Никифоров**

Источники судебных криминалистических методических рекомендаций

В статье рассматриваются проблемные вопросы теории формирования частных судебных криминалистических методик, в частности, источники судебных криминалистических методических рекомендаций. Сохраняя преемственность основных концептуальных положений, сформулированных в науке в советскую эпоху развития криминалистики, в работе делается акцент на описании источников указанных методических рекомендаций, образующих теоретические основы данной частной криминалистической теории.

Ключевые слова: области применения положений криминалистики; частные судебные криминалистические методики; источники судебных криминалистических методических рекомендаций; теория формирования частных судебных криминалистических методик; принципы разработки методик.

Изначально криминалистическая наука находилась «на службе» у органов предварительного расследования преступлений. Все ее разделы, включая следственную тактику и методику расследования, были ориентированы на разработку криминалистических приемов и методов, используемых в ходе досудебного производства в целях собирания и исследования доказательств.

Впервые о необходимости использования положений криминалистики в ходе судебного разбирательства уголовных дел ученые стали писать в конце 30-х годов XX столетия [9]. Фундаментальное же исследование данной проблемы принадлежит перу Л.Е. Ароцкера [2].

Накопленный за многие годы теоретический и эмпирический материал по «судебной криминалистике» явился объективной предпосылкой для формирования нового определения понятия тактики как раздела науки. В 1970 г. по предложению Р.С. Белкина следственная тактика стала называться криминалистической и определяться как «система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений» [4: с. 71]. В данном определении впервые идет речь о применении рекомендаций криминалистической тактики

в ходе судебного следствия. Термин «следственная тактика» уступил место в языке науки общему по отношению к нему термину — «криминалистическая тактика», которая соответствует сущности предмета.

Процесс пополнения содержания криминалистической тактики продолжается по настоящее время преимущественно за счет разработки проблематики организации и планирования судебного следствия и тактики отдельных судебных действий. По этой причине в тактическом плане судебное следствие разработано в криминалистике значительно лучше, чем в методическом аспекте. Служебная функция криминалистической методики как заключительного раздела криминалистики традиционно остается в науке неизменной; она по-прежнему предназначена для обслуживания только одной сферы деятельности — предварительного расследования преступлений [1: с. 650; 5: с. 298; 11: с. 482]. Понятие данного раздела криминалистической науки определяется как «система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений» [5: с. 298]. А между тем положения криминалистической тактики реализуются в науке и на практике через криминалистическую методiku, приобретая те специфические особенности, которые отражают их приспособление к условиям и целям борьбы с конкретным видом преступлений. По этой причине разрабатываемые криминалистической методикой рекомендации должны быть не многоаспектными, а относиться соответственно и к области предварительного расследования преступлений, и к области судебного разбирательства уголовных дел. Данное положение вполне соответствует научным представлениям о предмете криминалистической науки, в определении понятия которого есть указание на разрабатываемые ею методы судебного исследования преступлений, под которым понимается деятельность органов предварительного следствия, суда и экспертных учреждений [6: с. 13].

Данный научный факт обуславливает необходимость изменения указанного выше понятия криминалистической методики, определение которого может быть сформулировано в следующем виде: это «система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений» [10: с. 17].

Введение данного понятия в научный оборот может послужить новым импульсом к разработке судебных криминалистических частнометодических рекомендаций, адресуемых соответственно государственному обвинителю, защитнику и суду.

Однако решение данной задачи невозможно без соответствующего теоретического обеспечения. Требуется дальнейшая совместная работа ученых-криминалистов, занимающихся этой проблематикой, по созданию теории формирования частных судебных криминалистических методик. Отдельные кирпичики в фундамент такой теории были заложены работами Л.Е. Ароцкера, занимавшегося разрешением проблем «судебной криминалистики» [3], которые относятся к 60-м годам прошлого столетия. Разработанные им по-

ложения основывались на судебной практике и уголовно-процессуальном законодательстве советской эпохи, которые к настоящему времени претерпели существенные изменения в связи с проведением в России судебной реформы. Суд из органа уголовного преследования превращен законодателем в орган разрешения уголовного дела в пределах инкриминируемого обвиняемому деяния; он руководствуется в ходе судебного следствия принципом состязательности и равноправия сторон. Введены и действуют суды присяжных, произведена дифференциация форм судебного разбирательства. В результате проводимой судебной реформы правосудие в России перестало быть карательным и приобрело в основном правозащитный характер. Все это в настоящее время требует иного научного подхода к разработке и комплексированию судебных методико-криминалистических рекомендаций.

В этом плане отдельные организационно-тактические и методические вопросы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел рассмотрены А.Ю. Корчагиным в сравнительно недавнем его диссертационном исследовании [8], что является предпосылкой для криминалистического анализа выдвинутых им положений, определения некоторых тенденций развития «судебной криминалистики», укрепления ее теоретической базы.

Направленность научных изысканий в любой области, в том числе в указанном выше аспекте, определяется, как известно, определенными принципами, под которыми обычно понимают, в частности, какие-либо исходные положения теории, учения. Представляется, что применительно к теории формирования частных судебных криминалистических методик под принципами следует понимать исходные положения, выражающие совокупность теоретических знаний о содержании, структуре и системе указанных методик. При этом система принципов данной теории должна состоять, на наш взгляд, из трех частей: принципов разработки, принципов построения и принципов систематизации частных судебных криминалистических методик, выражающих знания о их содержании, структуре и системе. Формирование принципов в указанных областях частной теории будет являть собой результат криминалистических научных исследований закономерных зависимостей содержания, структуры и системы частных судебных методик соответственно от источников их разработки и оснований построения и систематизации.

В данной работе, по известным соображениям, мы ограничимся описанием лишь общих причинно-следственных связей частных судебных методик с источниками их разработки, к которым мы относим право, практику и науку. В системе данных источников нормы права (уголовного права, уголовно-процессуального права, административного права и др. отраслей права) играют определяющую роль. Вопрос о влиянии этих отраслей права на содержание частных судебных криминалистических методик еще недостаточно изучен. Особенно это касается гражданского, земельного, трудового, экологического и

других отраслей права, нормы и подзаконные акты которых должны быть учтены в предмете доказывания по соответствующим категориям уголовных дел.

Далее предпримем попытку описать в общих чертах, в чем заключается роль уголовного, уголовно-процессуального и административного права в определении содержания частных судебных криминалистических методик.

Представляется, что роль уголовного права для разработки данных методик аналогична той роли, которую оно играет при определении содержания частных методик расследования преступлений. Об основополагающем значении уголовного права для криминалистических методик, применяемых в досудебном производстве, писали многие криминалисты [7: с. 7–8]. Нормы особенной части данной отрасли права играют прежде всего классификационную роль. Уголовно-правовая классификация преступлений, в частности, по их видам и составам имеет определяющее значение для систематизации частных судебных криминалистических методик.

Другое его значение заключается в том, что нормы особенной и общей частей УК РФ наполняют необходимым уголовно-правовым содержанием общую формулу предмета доказывания по уголовным делам, установленную в ст. 73 УПК РФ, и, следовательно, определяют перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве судебного следствия по конкретной категории уголовных дел.

На основании вышеизложенного следует констатировать, что уголовное право имеет одинаковое значение при определении содержания частных криминалистических методик независимо от их служебной направленности. Этого нельзя сказать о роли уголовно-процессуального права в разработке одних и других методик. Различие его значения для досудебных и судебных криминалистических методик определяется спецификой той процессуальной деятельности, в области которой они применяются. Процессуальная процедура предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел существенно отличаются друг от друга, что не может не отразиться на содержании соответствующих частных криминалистических методик.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает полномочия государственного обвинителя, защитника и суда при производстве судебного следствия, процессуальные действия и последовательность их осуществления данными участниками судебного разбирательства на различных этапах судебного следствия.

Разумеется, изменения законодателем процессуальной процедуры судебного следствия влияют на содержание частных судебных криминалистических методик. Так, процесс дифференциации порядка судебного разбирательства, осуществляемый в рамках продолжающейся судебной реформы, вызвал к жизни особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения подозреваемого, обвиняемого о соучастии, особенности произ-

водства у мирового судьи по уголовным делам частного обвинения и в суде с участием присяжных заседателей, особенности судебного следствия по уголовным делам, дознание по которым производилось в сокращенной форме.

Дифференциация процедуры судебного разбирательства требует повышения качества рассмотрения дел в суде, чтобы обеспечить реализацию всех принципов уголовного процесса. По этой причине необходима научная разработка частных криминалистических методик судебного следствия, чтобы при реальном упрощении законодателем процедуры судебного производства гарантировать объективное, полное и справедливое судебное рассмотрение дела.

Другая роль уголовно-процессуального закона в определении содержания судебных криминалистических частнометодических рекомендаций заключается в том, что он исчерпывающим образом определяет круг судебных процессуальных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания. Поэтому частные судебные криминалистические методики могут содержать только тот круг процессуальных действий и проводимых в той последовательности, которые допускает закон.

Кроме того, в уголовно-процессуальном законе (ст. 73 УПК РФ) содержится общая формула предмета доказывания, на основе которой в криминалистической методике разрабатывается типичный круг обстоятельств, подлежащих установлению по конкретной категории уголовных дел, являющийся основополагающим элементом соответствующей частной судебной криминалистической методики.

Важнейшее общее значение для судебных криминалистических методик имеют требования уголовно-процессуального закона о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела, о принятии законных, обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Эти требования, в сочетании с требованиями обеспечения установленных законом процессуальных гарантий прав и интересов участников процесса, обязывают государственного обвинителя, защитника и суд планировать судебное следствие по делу так, чтобы в полной мере реализовать свою процессуальную функцию. В частных судебных криминалистических методиках планы судебного следствия по конкретным категориям уголовных дел представляются в типизированном виде.

Существенное влияние на содержание определенной части судебных криминалистических методик оказывает административное право. Имеются в виду те его подзаконные акты, которые раскрывают сущность бланкетных диспозиций определенных статей особенной части уголовного закона. Такие диспозиции встречаются, например, в главах о преступлениях против военной службы, безопасности движения и эксплуатации транспорта, общественной безопасности. В ходе судебного следствия по соответствующей категории уголовных дел должно быть установлено, какое именно нарушено правило и

каким административно-правовым актом оно предусмотрено. Это означает, что правила, содержащиеся в подобного рода актах, должны быть обязательно учтены в предметах доказывания соответствующих частных судебных криминалистических методик.

Другим источником судебных криминалистических частнометодических рекомендаций является практика. Так, судебная практика является и источником данных рекомендаций, и критерием их истинности, эффективности. Изучение и обобщение практики судебного следствия прошлых лет дает возможность сделать важные обобщающие практические выводы о методах работы, применяемых в ходе судебного следствия государственным обвинителем, защитником, судом. Без систематического научного анализа и обобщения практики судебного разбирательства уголовных дел не может быть научно организованного судебного следствия.

Общее требование изучения и обобщения судебной практики рассматривается в виде неперемennого условия (принципа), на котором должна базироваться разработка частных судебных криминалистических методик. При этом необходим дифференцированный подход к изучению и обобщению судебной практики: анализировать не практику вообще, а накапливать и обобщать эмпирический материал, отражающий опыт в деятельности государственного обвинителя, защитника, суда по отдельным категориям уголовных дел в определенных типичных судебных ситуациях, складывающихся на различных этапах судебного следствия. Анализируя и обобщая судебную практику, следует придавать значение как имевшим место эффективным тактическим решениям (комбинациям), направленным на достижение определенных тактических целей, так и допущенным упущениям и недостаткам. Анализ судебной практики позволяет, кроме того, проверить эффективность существующих судебных методико-криминалистических рекомендаций, обоснованность их комплексирования и распространенности.

Анализ и обобщение практики судебного следствия является важной задачей криминалистической методики. Однако для ее полного решения необходимо изучение и других видов практики. Анализ процессуальной деятельности государственного обвинителя, защитника, суда в ходе судебного следствия показывает, что источником применяемых ими приемов и методов служат так же обобщенные данные следственной и противоправной практики. Так, криминалистические характеристики преступлений определенных видов, как результат анализа и обобщения криминальной практики, служат эмпирической базой для выдвижения судебных версий, выведения из них необходимых следствий и их проверки при исследовании в суде материалов уголовного дела. Небесполезно для указанных участников судебного разбирательства и знание методик расследования конкретных видов преступлений, так как это помогает в правильном выборе методики судебного следствия. По этой причине при разработке частных судебных криминалистических методик следует

учитывать данные не только судебной практики, но и криминальной и следственной практики.

Кроме права и практики, источником судебных методико-криминалистических рекомендаций является криминалистическая наука и другие связанные с ней научные области знания. Так, криминалистическая методика как раздел криминалистики, испытывает на себе влияние других разделов данной науки — техники и тактики. Под их воздействием формируется значительная часть судебных методических рекомендаций, образующих содержание отдельных судебных процессуальных действий с учетом криминалистических особенностей судебного следствия по конкретной категории уголовных дел.

Оказывает влияние на криминалистическую методику и общая теория криминалистики. Система научных положений данного раздела науки формируется на основе представлений о ее предмете, в частности, той его части, в которой говорится о средствах, приемах и методах судебного исследования преступлений. Кроме того, в систему научных положений криминалистической методики включаются положения отдельных частных криминалистических теорий (теория криминалистической версии и планирования судебного исследования преступлений, учение об общем методе судебного исследования преступлений, теория формирования частных судебных криминалистических методик и др.), которые наряду с другими теориями образуют общую теорию криминалистики.

Существенное влияние на криминалистическую методику и, следовательно, на содержание частных судебных криминалистических методик оказывают положения наук, с которыми имеет связь криминалистика в целом. К их числу относятся правовые науки, касающиеся процесса судебного разбирательства уголовных дел, некоторые данные науки управления (в частности, научной организации труда), философия, логика, этика, специальные юридические науки — юридическая психология, судебная медицина, судебная психиатрия и др. Положения этих наук используются в той или иной степени при создании частных методик расследования преступлений. Использование данных указанных наук при разработке частных судебных криминалистических методик обладает определенной спецификой, которая обуславливается спецификой самого судебного разбирательства уголовных дел.

В этом аспекте криминалистическая наука остается в большом долгу перед судебной практикой, изучая которую она призвана совершенствовать ее на основе своих научных достижений.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что положения, выражающие зависимость частных судебных криминалистических методик от права, практики и науки, являются принципами разработки этих методик, которыми являются:

- принцип законности, означающий зависимость содержания судебных методик от уголовно-процессуального, уголовного, административного права и других отраслей права;

- принцип обусловленности судебных криминалистических методических рекомендаций потребностями судебной практики и совершенствования этой практики на основе достижений криминалистической науки;
- принцип научности, выражающий зависимость содержания частных судебных методик от криминалистической науки и тех наук, с которыми связана криминалистика в целом.

Литература

1. *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник. М.: Норма, 2007. 944 с.
2. *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М.: Юридическая литература, 1964. 343 с.
3. *Ароцкер Л.Е.* Шире использовать в суде криминалистику // Советская юстиция. 1960. № 11.
4. *Белкин Р.С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: ВШ МВД СССР, 1970. 130 с.
5. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3-х т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. 408 с.
6. *Белкин Р.С.* Очерки криминалистической тактики. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993. 200 с.
7. *Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков: Харьковский юридический институт, 1976. 20 с.
8. *Корчагин А.Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2008. 25 с.
9. *Цыпкин А.Л.* Судебное следствие и криминалистика // Социальная законность. 1938. № 12.
10. *Чурилов С.Н.* Понятие и структура криминалистической методики нуждаются в расширении // Вестник криминалистики. Вып. 1 (41). М.: Спарк, 2012. С. 13–17.
11. *Яблоков Н.П.* Криминалистика. М.: Проспект, 1995. 630 с.

References

1. *Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Koruxov Yu.G., Rossinskaya E.R.* Kriminalistika: uchebnik. M.: Norma, 2007. 944 s.
2. *Aroczer L.E.* Ispol'zovanie danny'x kriminalistiki v sudebnom razbiratel'stve ugolovny'x del. M.: Yuridicheskaya literatura, 1964. 343 s.
3. *Aroczer L.E.* Shire ispol'zovat' v sude kriminalistiku // Sovetskaya yusticiya. 1960. № 11.
4. *Belkin R.S.* Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy' sovetskoj kriminalistiki. M.: VSh MVD SSSR, 1970. 130 s.
5. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3-x t. T. 1: Obshhaya teoriya kriminalistiki. M.: Yurist", 1997. 408 s.
6. *Belkin R.S.* Ocherki kriminalisticheskoy taktiki. Volgograd: VSSh MVD RF, 1993. 200 s.
7. *Kolesnichenko A.N.* Obshhie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nyx vidov prestuplenij. Har'kov: Har'kovskij yuridicheskij institut, 1976. 20 s.

8. *Korchagin A.Yu.* Organizacionno-takticheskie i metodicheskie osnovy' kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugolovny'x del: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Krasnodar, 2008. 25 s.
9. *Czy'pkin A.L.* Sudebnoe sledstvie i kriminalistika // *Social'naya zakonnost'*. 1938. № 12.
10. *Churilov S.N.* Ponyatie i struktura kriminalisticheskoy metodiki nuzhdayutsya v rasshirenii // *Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 1 (41)*. M.: Spark, 2012. S. 13-17.
11. *Yablokov N.P.* Kriminalistika. M.: Prospekt, 1995. 630 s.

*S.N. Churilov,
V.G. Nikiforov*

Sources of Judicial Forensic Methodical Recommendations

The author considers topical issues of the theory of private judicial forensic procedures formation and particularly the sources of forensic methodical recommendations. Maintaining the continuity of the basic conceptual provisions set in science in the Soviet era of the development of forensic science the authors laid a special emphasis on the description of the sources of these guidelines, which form the theoretical basis of the private forensic theory.

Keywords: private judicial forensic procedures; sources of forensic methodical recommendations.

О.В. Ефимова

Регулирование решений собраний гражданским законодательством Российской Федерации

Введение в Гражданский кодекс Российской Федерации общих положений о решениях собраний определило не только место данного правового явления в гражданском праве, но и показало значимость указанного юридического явления.

Ключевые слова: решения собраний; участники собраний; форма решений; недействительность решений собраний.

С 1 сентября 2013 года Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] подраздел 4 Общей части ГК РФ был дополнен отдельной главой 9.1 — «Решения собрания».

Формирование группы правовых норм в ГК РФ, определяющих общие положения о решениях собраний, не только показало значимость данного правового явления, но и вызвало ряд вопросов. Вопросы касаются в первую очередь соотношения норм права, регулирующих решения собраний с правовыми нормами, определяющих смежные правовые явления внутри ГК РФ, а также и с нормами специального законодательства РФ.

Определив место правовых положений решений собраний, законодатель отграничил данные решения от сделок в системе юридических фактов. В силу этого возникает первый вопрос — распространяются ли на решения собраний общие положения о сделках, в частности в отношении формы сделок?

Прямой нормы, отсылающей на возможность такого применения, в главе 9.1. ГК РФ не присутствует. В то же время и очевидных запретов на осуществление данной аналогии закона нет.

Определение места решений собраний в общем подразделе со сделками указывает на общую правовую сущность данных правовых явлений как юридических фактов. В силу этого представляется возможным применение норм

права, регулирующих общие положения о сделках к решениям собраний, с учетом специфики последних при отсутствии прямой нормы в главе 9.1. ГК РФ.

Указания в п. 2 ст. 181.1 ГК РФ на лиц, для которых возникают правовые последствия в связи с принятием решения, в целом определяют вид решений, на которые распространяются нормы главы 9.1 ГК РФ. Перечень субъектов в п. 2 ст. 181.1 ГК РФ позволяет выделить не только решения органов управления юридического лица, но и решения собственников общего имущества (к примеру, собственников жилого помещения или собственников общего имущества многоквартирного дома), решения кредиторов при проведении процедуры (как судебной, так и внесудебной) банкротства. В то же время примерный перечень субъектов не дает ответа на вопрос — на какие решения еще могут распространяться нормы рассматриваемой главы ГК РФ? Являются ли в качестве таковых, к примеру, решения коллегиальных органов исполнения организации?

Нормы, изложенные в 9.1 ГК РФ, носят общий характер, и их применение имеет субсидиарный характер по отношению к нормам специального законодательства РФ. В силу этого при формировании решений, к примеру общего собрания общества с ограниченной ответственностью, в приоритете должны быть ст.ст. 36–39 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3] (далее по тексту Закон об ООО).

Согласно п. 1 ст. 181.2 ГК РФ решение принимается простым большинством голосов при условии, что данное большинство составляет не менее 50 % от общего числа лиц, имеющих право на участие в данном собрании.

Данный количественный показатель для возникновения решения является лишь общим правилом. Необходимо учитывать возможное наличие специальных норм, определяющих свой количественный барьер. Так, п. 8 ст. 37 Закона об ООО для принятия решения по отдельным вопросам требует либо квалифицированного большинства (к примеру, по вопросу изменения устава), либо единогласного решения (по вопросу о реорганизации или ликвидации общества).

Указанное законодателем количество может быть определено двумя путями:

- очным голосованием,
- заочным голосованием.

Возможность принятия решения собрания путем заочного голосования является нормой общего характера, содержащейся в абз. 2 п. 1 ст. 181.2 ГК РФ. Следовательно, заочное голосование может быть проведено и среди собственников по вопросам управления общим имуществом и среди кредиторов при проведении соответствующей процедуры банкротства, а также в иных случаях принятия решения гражданским сообществом.

Специальное законодательство РФ, регулирующие соответствующие правоотношения гражданского сообщества, либо не содержит норм, определяю-

щих возможность проведения заочного голосования, либо — запрета на данное голосование. В силу этого допустимо, к примеру, заочное голосование собранием кредиторов при банкротстве должника в соответствии с положениями ст. 12 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] или собственников жилых помещений в многоквартирном доме с учетом ст.ст. 44–46 «Жилищного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ [2].

Формой выражения решения является протокол, который должен быть составлен письменно. Кроме письменной формы законодатель определяет необходимость наличия подписей конкретных лиц — председательствующего на собрании и секретаря собрания. В отличие от п. 2 ст. 160 ГК РФ, определяющего возможность использования аналога собственноручной подписи в сделках в определенных случаях, глава 9.1 ГК РФ не указывает на такую возможность. Допустимо ли применить такой аналог подписи председательствующего или секретаря собрания (или иного лица, определенного специальными нормами) в протоколе, оформляющем решение собрания?

Действующее законодательство РФ, в частности подп. 1 ст. 2 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [5], определяют условие применения аналога подписи в качестве электронной подписи только в информации, существующей в электронной форме. Но ведь именно в электронной форме и происходит составление протокола. Соответственно, при наличии соответствующего разрешения в специальных правовых нормах или в уставе организации, возможно допустить использование электронной подписи как аналога собственноручной подписи, применив п. 2 ст. 160 ГК РФ. Правомерность оформления протокола определяется наличием обязательных условий, которые должны быть отражены в данном протоколе.

Данные обязательные условия определены в закрытом перечне и несколько различаются в зависимости от вида голосования. При очном голосовании данные условия сформированы в п. 4 ст. 181.2 ГК РФ, при заочном — в п. 5 ст. 181.2 ГК РФ. Общими обязательными условиями являются:

- сведения о лицах, принявших участие в собрании;
- результаты голосования по каждому вопросу повестки дня;
- сведения о лицах, проводивших подсчет голосов.

Самостоятельность решения собрания от сделок показывает также наличие собственных оснований для признания данных решений оспоримыми или ничтожными.

Согласно положениям п. 1 ст. 181.3 ГК РФ установлена презумпция оспоримости решений. Ничтожность решения устанавливается только в силу закона.

В целом оспоримость и ничтожность решений соизмеримы с аналогичными правовыми свойствами сделок:

- оспоримость решения формируется через признание решения недействительным судом,

– ничтожность решения определяет недействительность без такового судебного признания.

Отличным от аналогичных положений по сделкам является необходимость совершения дополнительных действий при наличии соответствующего решения суда.

Если решение было опубликовано, то и решение суда о признании его недействительным также подлежит опубликованию в том же средстве массовой информации.

Если сведения из решения, признанного судом недействительным, были отражены в соответствующем реестре, то и сведения о судебном акте также должны быть указаны в этом реестре.

Основания оспоримости решений определены законодателем в ст. 181.4 ГК РФ. Данные основания либо указывают на организационные нарушения (к примеру, присутствует существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания), так и материально-правовые (нарушено равенство прав участников при проведении собрания).

В то же время указанная норма предусматривает и возможность санирования собрания, но только при наличии нарушения организационного характера. Данная санация осуществляется во внесудебном порядке самими участниками путем проведения повторного собрания без каких-либо нарушений для подтверждения решения первого собрания. Наличие повторно проведенного собрания лишает суд права признать решение по результатам проведения первого — недействительным.

В отличие от общего правила в п. 2 ст. 166 ГК РФ определения истца при оспоримости сделок, предъявить требование о признании решения собрания недействительным вправе не только лицо, участвующее в данном собрании, но и лицо, которое имело право, но не участвовало в этом собрании. В то же время законодатель указывает на невозможность в некоторых случаях выступить истцом лицу, принявшему участие в собрании, решение которого оно оспаривает.

Исходя из положений подп. 2 п. 3 ст. 181.4 ГК РФ, если при голосовании волеизъявление участника не было нарушено, то при голосовании за принятие решения или воздержавшись от голосования, он не вправе оспорить данное решение.

Отдельно законодатель устанавливает основания для отказа в исковых требованиях о признании решения недействительным, не отказывая в возможности выйти с соответствующим иском требованием.

Такой отказ в иске должен последовать при наличии следующих условий в совокупности:

- истцом является лицо, принимавшее участие в собрании, чье решение оно оспаривает;
- лицо, участвующее в собрании не воздержалось, а голосовало при принятии решения;

– голос истца не мог повлиять на принятие решения, которое он оспаривает. Данное обстоятельство скорей всего основано на незначительности голоса истца в силу небольшого размера доли (акций), составляющей силу данного голоса;

– оспариваемое решение не влечет для истца существенных неблагоприятных последствий.

Подтверждением различий в недействительности сделок и решений собраний выступает также различная исковая давность. Для оспаривания решения законодатель устанавливает срок в 6 месяцев с момента, когда лицо, права которого нарушены принятием решения, узнало или должно было узнать об этом нарушении, но в то же время не позднее, чем в течение двух лет со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными для участников соответствующего гражданско-правового сообщества.

Различия проявляются также в порядке защиты участником сообщества своих прав. До обращения в суд потенциальный истец должен соблюсти досудебный порядок, который нельзя рассматривать как претензионный. Последний направлен на попытку в досудебном порядке разрешить спор именно с ответчиком. В нашем же случае обращение должно последовать не в отношении лица, выступающего в качестве ответчика, а иных участников собрания. Обращение должно содержать информацию:

- о намерении обратиться в суд с определенным иском,
- обо всех остальных данных, необходимых для уяснения искового требования.

Указанное обращение имеет цель не только проинформировать иных участников. По сути, оно является последним предложением другим участникам выступить соистцами с данными аналогичными или иными требованиями. В противном случае такие участники не имеют право обратиться с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

Кроме оспоримости решения собрания законодатель также определяет основания и условия ничтожности рассматриваемого правового явления.

Ст. 181.5 ГК РФ содержит следующий закрытый перечень оснований ничтожности решений собраний, если решение:

1. принято по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники соответствующего гражданско-правового сообщества;

2. принято при отсутствии необходимого кворума;

3. принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания;

4. противоречит основам правопорядка или нравственности.

Из определенных законодателем четырех оснований три — носят организационный характер. Четвертый созвучен правовому основанию ничтожности сделки, определенной в ст. 169 ГК РФ.

Как мы отмечали выше — основания, имеющие в основе организационные нарушения, предусмотрены и для оспаривания сделки.

Таким образом, правовая новелла — решение собраний имеет достаточно много общих черт со сделками, поскольку и те и другие выступают юридическими фактами возникновения гражданских правоотношений. Вместе с тем данные правовые явления имеют и свои различия, обособливающие решения собрания со своей спецификой в отдельный правовой институт.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. 12 января.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»// Собрание законодательства РФ. № 7. 1998. 16 февраля.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»// Российская газета. 2002. 2 ноября.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Российская газета. 2011. 8 апреля.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ // Rossijskaya gazeta. 1994. 8 dekabrya.
2. Zhilishhny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 g. № 188-FZ // Rossijskaya gazeta. 2005. 12 yanvarya.
3. Federal'ny'j zakon ot 08.02.1998 g. № 14-FZ «Ob obshestvax s ogranichennoj otvetstvennost'yu»// Sobranie zakonodatel'stva RF. № 7. 1998. 16 fevralya.
4. Federal'ny'j zakon ot 26.10.2002 g. № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)»// Rossijskaya gazeta. 2002. 2 noyabrya.
5. Federal'ny'j zakon ot 06.04.2011 g. № 63-FZ «Ob e'lektronnoj podpisi» // Rossijskaya gazeta. 2011. 8 aprelya.

O.V. Efimova

Regulation of Assembly Decisions in Civil Legislation of the Russian Federation

The introduction of the general provisions of the assembly decisions to the Civil Code of the Russian Federation determined not only the place of this legal phenomenon in civil law but also showed the importance of this legal fact.

Keywords: assembly decisions; assembly participants; form of decisions; invalidity of assembly decisions.

Л.Б. Ситдикова

К вопросу о существенных условиях договора возмездного оказания услуг

В статье рассматриваются вопросы существенных условий договора возмездного оказания услуг. Как отмечается автором, определению существенных условий договора уделяется значительное внимание в юридической литературе, однако однозначного понимания как в теории, так и в правоприменительной практике до сих пор нет. На основании анализа норм права и судебной практики автор выделяет существенными условиями договора возмездного оказания услуг предмет, срок и цену договора.

Ключевые слова: договор; услуга; существенные условия; предмет; цена; срок.

Определению существенных условий договора уделяется значительное внимание в юридической литературе, однако однозначного понимания как в теории, так и в правоприменительной практике до сих пор нет. Между тем эта проблема очень актуальна, поскольку от правильного решения вопроса о наличии или отсутствии в договоре существенных условий зависит признание его заключенным. При отсутствии специального законодательства для урегулирования условий возмездных услуг наиболее распространенным основанием для возникновения обязательства по оказанию услуг выступает гражданско-правовой договор.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [1].

Вопрос о круге существенных условий для договора возмездного оказания услуг является дискуссионным в юридической науке. Кроме того, судебная практика по данной проблеме весьма противоречива [18: с. 4]. Позиция Высшего арбитражного суда РФ в отношении данного вопроса высказана в Определении от 11 февраля 2009 г. № 292/09. В частности, ВАС РФ указал, что из содержания ст. 779 и 781 ГК РФ следует, что существенными условиями, названными в законе для договора возмездного оказания услуг, являются предмет и цена [13].

В то же время в арбитражной практике встречается позиция, согласно которой предмет данного договора является его единственным существенным

условием. В обоснование своей позиции арбитражные суды приводят следующие аргументы: существенным условием договора возмездного оказания услуг является только условие о предмете договора, так как необходимость согласования иных условий (в том числе о сроках выполнения работ) не усматривается из норм, регламентирующих отношения, возникающие на основе договора возмездного оказания услуг.

Так, Ф.И. Гавзе под предметом гражданско-правового договора понимает «действия, которые должен совершить должник, и объект, на который эти действия направлены» [17: с. 26]. Гражданский кодекс Калифорнии определяет предмет договора следующим образом: «...предметом договора является то, что сторона, получившая встречное удовлетворение, согласилась делать или не делать» [21: с. 317]. Следует обратить внимание и на позицию Постановления Пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, в которой под предметом договора понимается наименование передаваемого товара, выполняемой работы, оказываемой услуги [22: с. 62].

Исходя из своей правовой конструкции, а также норм, применяемых к договорам возмездного оказания маркетинговых услуг, предмет договора носит смешанный характер: это исследование рынка, т. е. как сама деятельность исполнителя, так и результат проведения исследований — маркетинговая информация, включая выводы и рекомендации, оформленные в виде отчета о проведенном исследовании.

Как показывает практика, предмет договора формулируется сторонами таким образом, чтобы четко определить рамки исследования, а именно территорию его проведения (район, отдельный регион, конкретную отрасль хозяйства, вид деятельности и т. д.), и направления маркетинговой деятельности, касающиеся получения информации о возможностях и перспективах ведения интересующей заказчика деятельности.

Анализ судебных решений показывает, что, как правило, наибольшие риски неисполнения или ненадлежащего исполнения условий договора возникают из-за непроработанности в договоре условий о предмете, т. е. о конкретных услугах, которые будут оказываться. Представляется, что условия о предмете как существенном условии, применительно к договору возмездного оказания услуг, должны быть максимально конкретизированы и индивидуализированы сторонами договора, для того чтобы можно было установить не только факт оказания услуги, но также объем и ее содержание.

На сегодняшний день спорным является вопрос относительно срока как существенного условия в договоре оказания услуг. Существенность данного условия для рассматриваемых нами отношений в юридической литературе представляется спорной [25; 26; 27: с. 258; 28: с. 34]. Данный вопрос также по-разному трактуется и судами. Так, арбитражный суд в одном из определений договор без условий о сроке признал действующим. При этом суд указал, что начальный и конечный сроки оказания услуг не названы в ГК РФ в качестве существенного условия договора возмездного оказания

услуг [19]. Аналогичной позиции придерживается ВАС РФ [14] и окружные арбитражные суды [9].

Однако есть и противоположные судебные решения, и, как правило, принимаются они теми же арбитражными судами. При этом судьи аргументируют свои решения о субсидиарном порядке применения правил договора подряда к возмездным договорам, из которого следует, что условие о сроке также является существенным (ст. 708, 779, 783 ГК РФ). Такие выводы можно встретить в решениях ФАС Московского округа [10]; ФАС Дальневосточного округа [8], Западно-Сибирского округа [11]. Пересматривали свой подход и суды других округов, в частности ФАС Уральского округа, который вынес подобное решение в 2011 году [12].

В качестве примера следует привести материалы следующего судебного спора. В Советский районный суд г. О. поступило гражданское дело по иску М.Ю. к ООО «Агентство недвижимости “Регион”» о взыскании штрафа по договору оказания услуг и компенсации морального вреда. Из материалов дела следовало, что между М.Ю. и ООО «Агентство недвижимости “Регион”» был заключен договор, предметом которого выступали услуги риелторского агентства по приобретению объекта недвижимости (квартиры). Исходя из условий договора, агентство приняло на себя обязательства по обеспечению подготовки и государственной регистрации договора купли-продажи объекта недвижимости, в том числе проведение сделки и получение вместе с заказчиком свидетельства о государственной регистрации права на недвижимое имущество. Согласно пункту 6.1 договора установлено, что договор вступает в силу с момента его подписания и действует до получения заказчиком свидетельства о государственной регистрации права собственности на объект недвижимости. Стороны обязуются провести сделку купли-продажи объекта недвижимости не позднее определенного договором срока. Договором было предусмотрено, что в случае расторжения договора по вине агентства заказчику выплачивается первый целевой платеж и штрафные санкции. Поскольку сделка не состоялась, истица просит суд взыскать в ее пользу штраф, указывая, что сделка не состоялась по вине ответчика, который не исполнил обязательства в срок. Ответчик иск не признал, считая причиной неисполнения договора — отказ продавца от продажи квартиры. Продавец квартиры В.Н. уведомил директора агентства о расторжении договора об оказании услуг в связи с возникшей материальной заинтересованностью и продажей квартиры третьим лицам за большую сумму, то есть возникновение не зависящих от агентства обстоятельств.

При рассмотрении судебного спора продавец квартиры В.Н. заявил, что в связи с отсутствием предложений от ООО «Агентство недвижимости “Регион”» по продаже и приобретению квартиры он воспользовался другим риелторским агентством, при этом никаких задатков он не получал, хотя агентство должно было ему передать задаток при наличии предложения о покупке его квартиры. Данные утверждения продавца квартиры ООО «Агентство недвижимости “Регион”» не смогло опровергнуть.

Таким образом, было установлено, что ответчик — ООО «Агентство недвижимости «Регион» совершил определенное бездействие в исполнении условий договора, т. е. ответчик не принял необходимые меры надлежащего исполнения обязательства, которые требовались по характеру самого обязательства и условиям гражданского оборота, что подтверждает его вину в соответствии со ст. 401 ГК РФ. Суд удовлетворил исковые требования М.Ю. к ООО «Агентство недвижимости «Регион» как не исполнившим свои обязательства в срок [15].

Еще одним важным условием договора возмездного оказания услуг является цена. В юридической литературе по данному вопросу позиция авторов также является неоднозначной [16: с. 5; 20: с. 70; 24: с. 140–142; 27: с. 258].

Исходя из названия данной правовой конструкции, оказание услуг может предоставляться исключительно на возмездной основе. Следовательно, возмездность является существенным условием договора возмездного оказания услуг, что нашло отражение и в самом его наименовании. Безвозмездные отношения по оказанию услуг не подпадают под действие гл. 39 ГК РФ. В то же время законодатель, указав возмездный характер договора (ст. 781 ГК РФ), вместе с тем решение вопроса порядка оплаты услуг отсылает к договорным условиям. Поэтому необходимо руководствоваться общей нормой — ст. 424 ГК РФ, согласно которой оплата оказанных услуг должна производиться по цене, предусмотренной соглашением сторон¹.

Таким образом, если стороны заключают договор об оказании услуг как возмездный, определяя цену данной услуги, то цена будет существенным условием данного договора.

Приведем обстоятельства судебного спора, возникшего при формировании условия о возмездных началах сделки. Так, суд округа указал, что в материалах дела отсутствуют надлежащие и бесспорные доказательства, свидетельствующие о том, что стоимость услуг, определенная исполнителем в одностороннем порядке, согласована с заказчиком, как требует того условие договора. Недоказанность истцом заявленных требований является основанием для отказа в иске о взыскании задолженности [2]. Эту позицию разделяют и некоторые иные окружные суды, например, ФАС Западносибирского округа указал, что, поскольку в договоре возмездного оказания услуг отсутствуют положения о стоимости оказываемых услуг, данный договор считается незаключенным [6].

Иная позиция сложилась у ФАС Дальневосточного округа, который из смысла норм права (ст. ст. 779, 423, 424 ГК РФ) сделал вывод, что несогла-

¹ Согласно п. 54 Постановления Пленумов Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ», если цена определяется исходя из сравнимых обстоятельств, наличие таких обстоятельств, позволяющих однозначно определить, какой ценой необходимо руководствоваться, должно быть доказано заинтересованной стороной (см.: Вестник ВАС РФ. 1996. № 11).

сование цены в договоре не освобождает заказчика от обязанности оплатить оказанные исполнителем услуги. Именно данная позиция суда, как указывает В.А. Белов [23: с. 445], представляется более верной, поскольку стоимость услуг во многих случаях можно определить исходя из цены, которая обычно взимается при сравнимых обстоятельствах. Как указал ФАС Восточно-Сибирского округа, исходя из правовой природы договора возмездного оказания услуг, в котором отсутствует материальный результат действия, оплачивается услуга как таковая [3].

В развитие данной мысли следует привести и постановление ФАС Северо-Кавказского округа [5], в котором указано, что в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги. Тот же суд по другому делу сделал более общий вывод, оценивая, является ли условие о цене существенным, указал, что из анализа текста договора и представленных в материалах дела документах видно, что между истцом и ответчиком сложились правоотношения по договору возмездного оказания услуг. Данный вид договора в силу закона относится к возмездным договорам, независимо от содержания в нем условия о стоимости подлежащих оказанию услуг. Цена услуг может быть в этом случае определена в соответствии с правилами, установленными в п. 3 ст. 424 ГК РФ [4].

Рассмотрим пример судебного спора. Девятым Арбитражным апелляционным судом рассматривалась апелляционная жалоба ООО «К» на решение Арбитражного суда города Москвы по иску ООО «К» к ООО «В» о взыскании 109 тыс. рублей за оказание риелторских услуг по предоставлению информации о нежилых помещениях, пригодных для осуществления деятельности заказчика (ответчика), находящихся в Москве, с целью заключения договора аренды или приобретения в собственность. Решением Арбитражного суда города Москвы в удовлетворении иска отказано. Судебный акт мотивирован следующими основаниями: акт осмотра помещения не подтверждает оказание ответчику заявленных услуг, не определена стоимость данных услуг, поскольку согласование цены подписано неуполномоченным лицом. Кроме того, помещение для осмотра и последующей аренды было предоставлено не в г. Москве, как оговорено в условиях договора, а в Московской области.

Не согласившись с принятым решением, истец подал апелляционную жалобу, в которой просил состоявшийся по делу судебный акт отменить, принять новый судебный акт. Суд апелляционной инстанции, изучив материалы дела, проверив доводы апелляционной жалобы, заслушав представителей истца и ответчика, пришел к выводу, что решение Арбитражного суда города Москвы подлежит отмене по следующим основаниям.

Условие, что истец подыскивает для ответчика помещения не только в городе Москве, но и в Московской области, было фактически согласовано, хотя и не отражено в договоре, о чем свидетельствуют действия представителя от-

ветчика по осмотру предложенного помещения в Московской области и подписание им акта осмотра. Кроме того, о согласии ответчика с подысканием помещения не только в г. Москве, но и в Московской области свидетельствует также тот факт, что впоследствии ответчик арендовал данное помещение.

Предметом договора возмездного оказания услуг, как это определено в п. 1 ст. 779 ГК РФ, является совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем, а оплате подлежат сами действия (деятельность) исполнителя. Указанные действия по предоставлению информации о нежилых помещениях, пригодных для осуществления деятельности ответчика с целью заключения ответчиком договора аренды, фактически исполнены. Вместе с тем было указано на вывод суда первой инстанции о том, что сторонами не была согласована стоимость оказанных услуг, хотя цена было оплачена по правилам ст. 424 ГК РФ. Основываясь на данных выводах, Девятый арбитражный апелляционный суд решение Арбитражного суда города Москвы по делу отменил [7].

С учетом вышеизложенного следует признать, что существенными условиями договора возмездного оказания услуг выступает предмет, срок и цена договора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. 02.11.2013 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11 мая 2005 г. № А 29-6991/2004-4э); Западно-Сибирского округа от 26 апреля 2007 г. № Ф 04-2259/2007 933444-А45-39) // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
3. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 23 января 2007 г. № А33-13505/06-Ф02-7377/06-С2 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
4. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 14 февраля 2007 г. № Ф08-109/2007 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
5. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 06 марта 2007 г. № Ф08-315/2007, Ф08-315/2007/1 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26 апреля 2007 г. № Ф04-2259/2007 (33444-А45-39) // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
7. Постановление девятого Арбитражного Апелляционного суда от 03.12.2008 г. № 09АП-14553/2008-ГК по делу № А40-34386/08-85-237 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
8. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 28.01.2010 г. № Ф03-8023/2009 по делу № А73-5672/2009 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
9. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 01.09.2010 г. по делу № А82-16387/2009 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
10. Постановления ФАС Московского округа от 01.12.2010 г. № КГ-А40/14481-10 194, от 22.11.2010 г. № КГ-А40/13851-10 и от 09.06.2010 г. № КГ-А40/5364-10 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
11. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 02.02.2010 г. по делу № А45-15189/2009 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
12. Постановление ФАС Уральского округа от 19.01.2011 г. № Ф09-11412/10-С3 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».

13. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 февраля 2009 г. № 292/09 по делу № А45-2265/2008-37/66 // Документ опубликован не был. См.: СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение ВАС РФ № ВАС-3600/10 от 02.04.2010 г. // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
15. Архив Советского районного суда г. Орла. Материалы дела № 2-541/11 от 12.04.2012 г. // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
16. *Витрянский В.В.* Существенные условия договора // *Хозяйство и право*. 1998. № 7. С. 3–12.
17. *Гавзе Ф.И.* Обязательственное право (общие положения). Минск: БГУ, 1968. 128 с.
18. *Дорохова Н.А.* Антикризисный комментарий к главе 39 «Возмездное оказание услуг» Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: ЭкОО-нис, 2011. 80 с.
19. *Измайлова Е.В.* Договор на выполнение маркетинговых исследований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 45 с.
20. *Нарозников Н.К., Суденко В.В.* Радиотелефонная сотовая связь: правовое регулирование оказания услуг. М.: Книжный мир, ВГНЕ МПС РФ, 2004. 118 с.
21. Основные институты гражданского права зарубежных стран / Под ред. В.В. Залеского. М.: Норма, 2000. 648 с.
22. Постановление Пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь от 16.12.1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров». Данное постановление приведено в работе А.Н. Обыденова «Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора» // *Журнал российского права*. 2003. № 8. С. 15–25.
23. Практика применения Гражданского Кодекса Российской Федерации частей второй и третьей / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2009. 1429 с.
24. *Сироткина А.А.* Договор оказания медицинских услуг: особенности правового регулирования. М.: Статут, 2004. 174 с.
25. *Ситдикова Л.Б.* Проблемы определения содержания круга существенных условий в договоре возмездного оказания информационных услуг // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2008. № 7. С. 44–47.
26. *Ситдикова Л.Б.* Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М.: Юристь, 2008. 339 с.
27. *Степанов Д.И.* Услуги как объект гражданских прав. М.: Статут, 2005. 349 с.
28. *Шаблова Е.Г.* Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 42 с.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' pervaya ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (red. 02.11.2013 g.) // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Postanovlenie FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 11 maya 2005 g. № А 29-6991/2004-4e); Zapadno-Sibirskogo okruga ot 26 aprelya 2007 g. № F O4-2259/2007 933444-A45-39) // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
3. Postanovlenie FAS Vostochno-Sibirskogo okruga ot 23 yanvarya 2007 g. № А33-13505/06-F02-7377/06-S2 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».

4. Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 14 fevralya 2007 g. № FO8-109/2007 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
5. Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 06 marta 2007 g. № FO8-315/2007, FO8-315/2007/1 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
6. Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 26 aprelya 2007 g. № F04-2259/2007 (33444-A45-39) // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
7. Postanovlenie devyatogo Arbitrazhnogo Apellyacionnogo suda ot 03.12.2008 g. № 09AP-14553/2008-GK po delu № A40-34386/08-85-237 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
8. Postanovlenie FAS Dal'nevostochnogo okruga ot 28.01.2010 g. № F03-8023/2009 po delu ¹ A73-5672/2009 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
9. Postanovlenie FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 01.09.2010 g. po delu № A82-16387/2009 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
10. Postanovleniya FAS Moskovskogo okruga ot 01.12.2010 g. № KG-A40/14481-10 194, ot 22.11.2010 g. № KG-A40/13851-10 i ot 09.06.2010 g. № KG-A40/5364-10 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
11. Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 02.02.2010 g. po delu № A45-15189/2009 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
12. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 19.01.2011 g. № F09-11412/10-S3 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
13. Opredelenie Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 11 fevralya 2009 g. № 292/09 po delu № A45-2265/2008-37/66 // Dokument opublikovan ne byl. Sm.: SPS «Konsul'tantPlyus».
14. Opredelenie VAS RF № VAS-3600/10 ot 02.04.2010 g. // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
15. Arxiv Sovetskogo rajonnogo suda g. Orla. Materialy' dela № 2-541/11 ot 12.04.2012 g. // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
16. *Vitryanskij V.V.* Sushhestvenny'e usloviya dogovora // *Xozyajstvo i pravo*. 1998. № 7. S. 3–12.
17. *Gavze F.I.* Obyazatel'stvennoe pravo (obshhie polozheniya). Minsk: BGU, 1968. 128 s.
18. *Doroxova N.A.* Antikrizisny'j kommentarij k glave 39 «Vozmezdnoe okazanie uslug» Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (postateiny'j). M.: EkOOnis, 2011. 80 s.
19. *Izmajlova E.V.* Dogovor na vy'polnenie marketingovy'x issledovanij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000. 45 s.
20. *Naroznikov N.K., Sudenko V.V.* Radiotelefonnaya sotovaya svyaz': pravovoe regulirovanie okazaniya uslug. M.: Knizhny'j mir, VGNE MPS RF, 2004. 118 s.
21. Osnovny'e instituty' grazhdanskogo prava zarubezhny'x stran / Pod red. V.V. Zaleskogo. M.: Norma, 2000. 648 s.
22. Postanovlenie Plenuma Vy'sshego xozyajstvennogo suda Respubliki Belarus' ot 16.12.1999 g. № 16 «O primenenii norm Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Belarus', reguliruyushhix zaklyuchenie, izmenenie i rastorzenie dogovorov». Dannoe postanovlenie privedeno v rabote A.N. Oby'denova «Predmet i ob'ekt kak sushhestvenny'e usloviya grazhdansko-pravovogo dogovora» // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2003. № 8. S 15–25.
23. Praktika primeneniya Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii chastej vtoroj i tret'ej / Pod obshh. red. V.A. Belova. M.: Yurajt, 2009. 1429 s.
24. *Sirotkina A.A.* Dogovor okazaniya medicinskix uslug: osobennosti pravovogo regulirovaniya. M.: Statut, 2004. 174 s.

25. *Sitdikova L.B.* Problemy' opredeleniya sodержaniya kruga sushhestvenny'x uslovij v dogovore vozmeznogo okazaniya informacionny'x uslug // Arbitrazhny'j i grazhdanskij process. 2008. № 7. S. 44–47.

26. *Sitdikova L.B.* Teoreticheskie i prakticheskie problemy' pravovogo regulirovaniya informacionny'x i konsul'tacionny'x uslug v grazhdanskom prave Rossii. M.: Yurist", 2008. 339 s.

27. *Stepanov D.I.* Uslugi kak ob"ekt grazhdanskix prav. M.: Statut, 2005. 349 s.

28. *Shablova E.G.* Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenij vozmeznogo okazaniya uslug: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. 42 s.

L.B. Sitdikova

To the Issue of the Material Conditions of Paid Services Agreement

In this article the issues of the essential conditions of the paid services agreement are given. As noted by the author the definition of essential terms of contract received considerable attention in law literature, however, there is still ambiguous understanding both in theory and in law enforcement. On the basis of the analysis of the norms of law and judicial practice the author identifies the such essential terms of the paid services agreement as subject, time and price of the contract.

Keywords: contract; service; essential terms; subject; price; period.

С.В. Воробьев

Правовые основы взаимоотношений государства и общества в период сословно-представительной монархии

В статье раскрываются некоторые особенности сословно-представительной монархии в России. Выявлена специфика взаимоотношений государства и общества в этот период. Показана роль права в системе государственно-общественных взаимоотношений периода сословно-представительной монархии. Выявлены особенности норм, относившихся к взаимодействию власти и общества и содержащихся в таких источниках права, как Судебник 1550 г. и Соборное уложение 1649 г.

Ключевые слова: сословно-представительная монархия; государство; общество; земские соборы; монарх; централизация; власть.

Взаимоотношения государства и общества оказывают определяющее воздействие на развитие и функционирование всех государственных и общественных институтов, а также на уровень защищенности прав и свобод личности. В рамках этих взаимоотношений происходит становление системы общественных связей, под которыми понимается «процесс систематического и комплексного воздействия органов государственной власти и подконтрольных им общественных структур на граждан страны в целях обеспечения социального взаимодействия и социального контроля населения страны» [4: с. 31].

Взаимоотношения государства и общества строятся на основе норм права, которое определяет границы поведения всех субъектов общественных отношений. В разные исторические периоды эти взаимоотношения развиваются неодинаково, и особенности их развития можно проследить на основе анализа правовых норм.

Одним из важных для становления государственно-общественных отношений в России этапов стал период сословно-представительной монархии.

Сословно-представительная монархия представляет собой такую форму правления, при которой власть правителя в определенной степени ограничена каким-либо органом сословного представительства [1: с. 79]. Через этот орган власть имеет возможность обращаться к обществу и узнавать об общест-

венных запросах. Можно сказать, что орган сословного представительства выступает посредником между государством и обществом, между властью и народом. Принимая новые нормы права, этот орган создает те рамки, в которых происходит развитие государственно-общественных отношений.

Типичная черта сословно-представительной монархии — это активное взаимодействие власти с основными сословиями общества. По мнению члена-корреспондента АН ССР Н.Н. Покровского, в этот период «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях — «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямой, но и обратной связи между ними... Сословный строй феодальных государств... предполагал членение самих сословий на отдельные, чаще всего самоуправляющиеся структуры. Именно через них человек Средневековья включался во всю систему сословно-представительного государства» [3: с. 6].

Принято считать, что в России период сословно-представительной монархии начинается с середины XVI в., когда в период правления царя Ивана Грозного начинают собираться Земские соборы. Их появление объясняется тем, что государственная власть в борьбе за централизацию и против сепаратистских устремлений была вынуждена опираться не только на господствующие сословия (бояр, духовенства, дворян), но и на верхушку городского населения. Царская власть была вынуждена обращаться за помощью к городской знати, в первую очередь к купцам, богатым ремесленникам, так как без их поддержки (прежде всего финансовой) было невозможно ни дальнейшее укрепление государственного аппарата, ни усиление репрессивной политики, ни проведение активной внешнеполитической деятельности. При этом главной опорой монарха в этот период служило дворянство.

Наиболее важные решения были приняты на Земских соборах 1598 г. (утверждение царем Бориса Годунова), 1613 г. (избрание царем Михаила Романова), 1649 г. (принятие Соборного уложения), 1653 г. (решение о присоединении Украины). Наиболее интенсивной была деятельность соборов в период правления Михаила Федоровича Романова (1613–1645). В этот период они собирались практически ежегодно, когда назревала опасность новой войны, когда государству требовались средства. Последний собор состоялся в 1684 г.

Можно выделить следующие исторические особенности сословно-представительной монархии в России:

ликвидируется средневековая система вассалитета;

важную роль в государственном управлении играет Боярская Дума, в которую входят представители боярства, дворянства и чиновничества;

важнейшие вопросы государственной жизни обсуждаются и решаются на земских соборах, которые представляют интересы основных сословий общества;

земские соборы собираются не регулярно, их созыв зависит в большей степени не от норм права, а от воли монарха или боярства;

земские соборы не имеют четко установленной законом компетенции;

фактически земские соборы не ограничивали, как сословно-представительные учреждения стран Европы, а укрепляли власть монарха;

на смену устаревшей дворцово-вотчинной системы управления приходит система более современных органов — приказов [2: с. 32].

Взаимоотношения государства и общества в период сословно-представительной монархии строились на основе норм права, которые были закреплены в крупных общерусских источниках права. С 1550 по 1649 г. таким источником выступал Судебник 1550 г., а в 1649 г. ему на смену пришло Соборное уложение.

Судебник 1550 г., который дошел до нас в нескольких списках, состоит из 99 статей, 37 из которых являются полностью новыми, а остальные позаимствованы из Судебника 1497 г. Иван IV рассматривал принятие нового Судебника взамен прежнего как важнейшее мероприятие, направленное на ликвидацию боярского произвола, укрепление центральной власти. Вместе с тем он признавал, что данный Судебник представляет собой исправление прежнего с учетом изменившихся потребностей общества.

Подобно предшествующему, Судебник 1550 г. может быть разделен на две части: первая посвящена порядку отправления правосудия, вторая говорит в основном о гражданском праве.

Судебная система, предусмотренная этим Судебником, в целом соответствует существовавшей ранее, но ее особенности рассматриваются в этом источнике права более подробно. Система судебных доказательств тоже осталась прежней, с некоторыми незначительными дополнениями. Например, свидетели, дававшие разные показания, могли вступать в поединок между собой. Проигравший свидетель определял и проигрыш всего дела.

Судебник ограничил власть наместников и волостелей, сократив объем их судебных полномочий, усилив контроль над ними со стороны центральной администрации. На суде наместника или волостеля должны были присутствовать земские выборные — дворецкий или староста, а также целовальники. Недовольные судом наместника получили право жаловаться непосредственно царю, который вызывал провинившихся наместников и судил их. Но в целом виды суда оставались те же, что и прежде: суд царя, суд боярский, суд наместничий и суд святительский.

Сразу вслед за Судебником, в 1551 г., был принят еще один интересный и содержательный памятник права — Стоглав. Но его нормы в основном были посвящены вопросам церковного права и церковного управления, и в меньшей степени затрагивали вопросы взаимодействия общества с государственными институтами.

Время правления Алексея Михайловича фактически представляло собой переход от сословно-представительной монархии к новой форме правления — к монархии абсолютной. Этим объясняется свойственное периоду абсолютизма стремление подвергнуть регламентации как можно больше

сторон общественной и даже личной жизни, для чего и потребовалось принять такой обширный законодательный документ, каким стало **Соборное уложение 1649 г.**

Уложение состояло из 25 глав и 967 статей. От Судебника 1550 г. оно отличалось, в первую очередь, широтой охвата различных сфер: государственно-политического устройства, сословного строя общества, экономики, форм землевладения, судопроизводства, материального и процессуального права.

В Уложении раскрывается состав центрального и местного государственного аппарата, определены полномочия приказов, воевод, губных старост и т. д. Отдельная глава отведена церкви. Ее привилегии в области суда и государственного управления ограничены Монастырским приказом. За преступления против веры и религии назначались суровые наказания, в том числе для богохульников.

В сфере экономики Уложение закрепило путь образования единой формы феодальной земельной собственности на основе слияния двух ее разновидностей — поместий и вотчин. Уложение также установило монопольное сословное право феодалов на владение землей и крестьянами, но предусмотрело и их обязанность служить. За уклонение от службы устанавливалось битье кнутом с конфискацией половины поместья. За измену — смертная казнь с полной конфискацией имущества.

Более ста статей Уложения посвящено крестьянам. Уложение окончательно закрепостило крестьян, отменив урочные лета (пятилетний срок сыска беглых), установив штраф за укрывательство беглых и признав постоянной зависимость крестьян по писцовым книгам. Право владеть крестьянами закреплялось в Уложении за всеми категориями служилых чинов, а также за церковью и государством. Фактически дворяне получили право продавать крестьян, и при этом даже разлучать родителей с детьми.

В целом Уложение стояло на защите интересов монархии, сословных привилегий феодалов. Этот источник узаконил окончательное оформление крепостничества и отразил тенденции перехода к абсолютизму с присущей ему новой моделью взаимоотношений государства и общества.

Таким образом, анализ главных источников права сословно-представительной монархии показывает наличие следующих особенностей развития взаимоотношений государства и общества в этот период:

1. Сословно-представительная монархия стала временем борьбы между монархом и боярством за централизацию государства. В этой борьбе государство в лице царя опиралось на поддержку основных сословий общества, выстраивая новую модель государственно-общественного взаимодействия.

2. В период перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму модель взаимоотношений государства и общества меняется, становится более жесткой. Власть, не нуждаясь больше в поддержке широких слоев общества, идет по пути дальнейшего закрепощения крестьянства, усиления экономического

гнета по отношению к населению страны. Результатом стали мощные народные выступления, направленные против государственной власти.

3. Смена модели взаимоотношений власти и общества повлекла за собой усиление репрессивного механизма, что проявилось и в ужесточении уголовного законодательства. Появляются новые, более жестокие уголовные наказания; законодатель идет по пути криминализации, закрепляя в законе все новые составы преступлений

4. В экстраординарных случаях, таких как опричнина, Смутное время, крестьянские восстания, законодательство отступало на второй план, открывая простор репрессиям, не опиравшимся на правовые нормы.

В целом, период сословно-представительной монархии может быть охарактеризован как неоднородный с точки зрения государственно-общественного взаимодействия. Характер взаимоотношений государства и общества определялся процессом централизации, сопровождавшейся укреплением власти монарха. На первом этапе этот процесс привел к появлению органов сословного представительства, которые выступали посредниками между властью и представителями общества и имели возможность защищать общественные интересы. На втором этапе органы сословного представительства выполняли роль института, легитимирующего решения укрепившейся государственной власти. При переходе к абсолютной монархии потребность в органах сословного представительства отпала, и земские соборы больше не собирались.

Литература

1. *Пашенцев Д.А.* История государства и права России: курс лекций. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
2. *Пашенцев Д.А.* Теоретические и исторические вопросы государственного управления: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2010. 184 с.
3. *Покровский Н.Н.* От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
4. *Рогачева Л.И.* Взаимодействие государства и общества в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2013. № 2. С. 31–32.

References

1. *Pashencev D.A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii: kurs lekcij. M.: E'ksmo, 2010. 448 s.
2. *Pashencev D.A.* Teoreticheskie i istoricheskie voprosy' gosudarstvennogo upravleniya: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2010. 184 s.
3. *Pokrovskij N.N.* Ot redaktora // Alekseev Yu.G. Gosudar' vseya Rusi. Novosibirsk: Nauka, 1991. 240 s.
4. *Rogacheva L.I.* Vzaimodejstvie gosudarstva i obshhestva v usloviyax evrazijskoj integracii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 31–32.

S.V. Vorobyov

**Legal Basis of Relations between the State and the Public
in the Period of Estate-Representative Monarchy**

The article describes some features of estate-representative monarchy in Russia. It also defines the specificity of relations between the state and the public during this period, the role of law in the system of state and public relations in the period of estate-representative monarchy. The peculiarities of rules applied to interaction between the authorities and the public and contained in such sources of law as Sudebnik 1550 g., Conciliar Code of 1649 are identified..

Keywords: estate-representative monarchy; state; public; Zemsky Sobor; the monarch; centralization; power.

А.В. Кочемасов

Кодификационное движение в США в XIX веке

Статья посвящена кодификационному движению в США в XIX в. Рассматриваются причины возникновения кодификационного движения и его ключевые особенности. Анализируется роль кодификационного движения в правовой истории США.

Ключевые слова: кодификация; кодификационное движение; США; право.

Кодификация права США представляет собой малоизученное явление. Традиционно внимание исследователей по большей части было приковано к проблемам кодификации европейского континентального права. Вместе с тем опыт США в данной области уникален, а сама кодификация приобрела здесь весьма специфические формы. Развитие идеи кодификации и ее последующее воплощение на практике происходили в США в течение продолжительного времени. Пожалуй, самым неоднозначным периодом в истории кодификации права США является так называемое кодификационное движение («*codification movement*»), развернувшееся в США в XIX в.

Существуют определенные сложности с пониманием природы кодификационного движения в США. В юридической литературе отсутствует единый взгляд на данную проблему. К примеру, неоднозначно оцениваются причины возникновения движения за кодификацию права. Разногласия возникают при оценке его последствий и значения. Более того, по-разному оцениваются временные границы существования кодификационного движения. Так, большинство исследователей указывают на то, что оно зародилось не ранее 20-х гг. XIX в. Однако их мнения серьезно расходятся применительно к оценке времени окончания кодификационного движения. Различные авторы в качестве его конечного момента называют 40-е [6: с. 62], 50-е [3: с. 431] и 60-е гг. [10: с. 508] XIX в.

Оценка любых нововведений и веяний в праве всегда должна происходить с учетом конкретных исторических обстоятельств рассматриваемого периода. Насколько невозможно понять сущность европейской кодификации вне контекста правовой реформы, захлестнувшей Европу на рубеже XVIII и XIX вв., настолько же безуспешны попытки получить объективное представление о кодификационном движении в США без анализа причин, приведших к его возникновению.

Становлению кодификационного движения в США уже предшествовали определенные попытки кодификации права. Главным образом инициатива по его систематизации исходила от законодательных собраний отдельных шта-

тов. Необходимость проведения кодификации во многом была обусловлена «неопределенностью» («*uncertainty*») действовавшего права. В колониальный период какая-либо систематизация права отсутствовала, а значительный прирост законодательства в период революции лишь усугубил данную проблему. Зачастую невозможно было не только выявить закон, подлежащий применению, но и установить, сохраняет ли конкретный закон юридическую силу. В целях исправления сложившейся ситуации штаты применяли практику проведения ревизий права и прибегали к созданию «кодексов» («*codes*»), которые в действительности чаще всего представляли собой некое подобие консолидированных актов. Главная заслуга ранних кодексов заключалась в том, что они помогали «уменьшить его [законодательства] объем, выявить устаревшие законы и устранить неясности в правоприменительной практике» [2: с. 25].

Таким образом, в юридической среде к 20-м гг. XIX в. уже сформировалось определенное отношение к кодификации и способам ее проведения. Разумеется, применявшиеся механизмы были далеки от совершенства и обладали многочисленными недостатками, но они были способны с достаточной долей эффективности решать стоявшие перед ними задачи. Сами по себе компиляция действующего законодательства и составление нормативных правовых сборников не могли остановить бессистемный рост законов, но использование этих мер придавало праву необходимую организованность. В частности, в связи с этим Томас Джефферсон, разработавший уголовный кодекс штата Вирджиния, предлагал проводить ревизию законодательства каждые девятнадцать лет [8: с. 229].

С учетом сказанного возникает вопрос, почему уже с 20-х гг. идея кодификации права получила новое развитие и дала начало кодификационному движению. Почему выработанных механизмов систематизации оказалось недостаточно, несмотря на то, что юристы признавали удовлетворительным состояние, в котором находились правовые системы большинства штатов США после проведенной ревизии [2: с. 46–47]? Очевидно, что проблема организации права не стала тем ключевым или, по крайней мере, единственным фактором, давшим начало кодификационному движению.

Основную причину для дальнейшего развития идеи кодификации следует искать в возникновении вопроса о необходимости сохранения в рамках правовой системы США традиционного для нее общего права («*common law*»). Это не означает, что до этого момента американские правоведы не рассматривали возможность его полной или частичной отмены. Напротив, подобные идеи высказывались и ранее, получив особое распространение во время борьбы американских колоний за независимость. Падение авторитета системы общего права было неизбежно в силу противопоставления интересов колоний и метрополии. Основная критика правовой системы в этот период была вызвана возросшим антагонизмом по отношению к институтам общего права как явления, имеющего английские корни [1: с. 322]. На практике, однако, подобная критика не возымела должного успеха. Повсеместно законодательные собра-

ния штатов принимали законы, допускавшие использование на их территории английского права, поскольку это было необходимо для поддержания стабильности в государстве и обществе. Поспешность в построении нового правового порядка, основанного на совершенно иных принципах, могла иметь весьма негативные последствия.

Кардинальным образом ситуация начинает меняться с усилением демократических начал в государственно-правовой политике, особенно в период, получивший название джексоновской демократии. Демократические преобразования, давшие имя данной эпохе, затронули многочисленные слои государства и общества, не исключая и правовую сферу. Сторонники демократических реформ в области права видели в качестве одной из своих основополагающих задач пересмотр или отмену общего права. Указывая на закрытость, недоступность и общую «порочность» данной системы, реформаторы предлагали установить выборность судей; ввести ограничения на их нормотворческие полномочия и усилить законодательную ветвь власти; устранить барьеры для поступления на юридическую службу; в целом упростить материальную и процессуальную составляющие права. В этих условиях кодификация становилась тем инструментом, который был способен сделать право более доступным для всеобщего понимания и использования [2: с. 161].

Сказанное свидетельствует о том, что идея кодификации права возникла не на пустом месте. Исследователи отмечают, что существенную роль в этом сыграли и другие обстоятельства: успех кодификационного движения в Европе; появление кодексов, которые могли быть использованы в качестве модели для кодификации американского права; влияние зарубежных правоведов, поддерживающих идею кодификации, и т. д. [6: с. 73–75] Однако данные факторы являются в большей степени сопутствующими.

В глазах американских правоведов кодификация в большей степени служила способом демократизации правовой системы, нежели являлась самоцелью. Сама по себе кодификация представляет собой явление нейтрального характера, однако в контексте наметившейся в США правовой реформы кодификация стала практически всецело ассоциироваться с демократическими преобразованиями. Этим, в частности, легко объяснить, почему многие современники опасались кодификации и всячески пытались воспрепятствовать ее проведению.

Таким образом, неудивительно, что рассматриваемый период действительно характеризовался повышенным вниманием к проблемам кодификации права. В литературе нередко указывается на то, что идея кодификации долгое время занимала центральное место в американской юриспруденции. Некоторые авторы придают ей столь высокое значение, что именуют период с 1820 по 1860 г. «Эпохой кодексов» («*Era of Codes*») [10: с. 508]. Так или иначе, данный вопрос, несомненно, стал камнем преткновения для юристов в XIX в.

Идея кодификации постепенно набирала популярность среди американских правоведов. Практически каждый исследователь права «чувствовал себя

обязанным изложить собственные взгляды» по вопросу кодификации [6: с. 69]. Это привело к появлению невероятно большого массива правовой литературы, отражавшей самые разнообразные варианты видения данной проблемы. Зачастую сторонники кодификации расходились во мнениях настолько широко, что сегодня это дает возможность выделять среди них как крайне радикальных, так и весьма консервативно настроенных представителей.

Более согласованно формировалась позиция оппонентов кодификации. Разумеется, не все представители правящей правовой элиты разделяли мнение о необходимости преобразования правовой системы США, и большая их часть весьма негативно относилась к любым реформам демократической направленности. Их теоретико-практическое противодействие было настолько велико, что предпринимаемые ими попытки дискредитировать реформу правовой системы в части кодификации права получили название «антикодификационного движения» [4: с. 151].

Наиболее ярко данное разделение мнений проявилось в виде многолетних дебатов между сторонниками и оппонентами кодификации по вопросу о целесообразности ее проведения. Дебаты велись как в письменной форме (путем публикаций монографий, статей и всевозможных брошюр), так и в форме публичных выступлений. Обсуждение многочисленных аспектов кодификации права стало существенной частью истории кодификационного движения. Юридическое наследие, оставленное в ходе данных дебатов, настолько велико, что его невозможно рассмотреть в рамках всего лишь одной статьи. Тем не менее целесообразно осветить ряд связанных с ними ключевых моментов.

Несомненно, в основе дебатов лежала идея кодификации, однако в действительности противоборствующие стороны выходили далеко за рамки этой проблемы. К примеру, один из наиболее фундаментальных вопросов, подвергшихся обсуждению, заключался в определении истинной сущности деятельности судей. В то время как сторонники кодификации доказывали необходимость принятия кодексов с целью создания единой системы законодательства и ограничения нормотворческих полномочий судей, их оппоненты развивали идею о том, что судьи вовсе не занимаются созданием новых правовых норм, а следовательно, нет смысла каким-либо образом ограничивать их деятельность. Указывая на достоинства кодификации, большинство ее сторонников, тем не менее, соглашались, что она возможна только при сохранении позитивного баланса между системой законодательства и системой общего права. Однако любое ограничение принципа судейского усмотрения воспринималось консервативной частью правовой элиты как нечто неприемлемое [4: с. 9–15]. В связи с этим противники кодификации всеми способами «развеивали мифы» о достоинствах кодексов. В их работах любой кодекс представлялся наивысшим проявлением жесточайшего правового формализма и деспотизма законодателя. Решению подобных вопросов и были посвящены многочисленные объемные

труды, выходявшие из-под пера американских правоведов. Показателем серьезности намерений представителей обеих лагерей является то обстоятельство, что, обсуждая вопрос кодификации, они были вынуждены касаться таких тем, как естественное и позитивное право, прогресс в праве, справедливость права, взаимодействие норм морали и норм права и т. п. [9].

Что же касается критики системы общего права, то противники реформы последовательно опровергали или вовсе обращали в свою пользу аргументы, приводимые сторонниками кодификации. Основная часть споров сводилась к проблемам «определенности» («*certainty*»), «адаптируемости» («*adaptability*») и доступности («*accessibility*») кодифицированного и общего права¹. Не вдаваясь в детали, следует признать, что результаты подобных обсуждений были далеко не однозначны. Так, например, в одних случаях, когда оппонентам кодификации необходимо было продемонстрировать гибкость («*flexibility*») общего права, они доказывали, что кодекс, вступивший в законную силу, практически невозможно изменить ввиду его жесткости («*rigidity*»). В других случаях они подчеркивали опасность кодексов из-за того, что они легко могут быть подвергнуты произвольным изменениям, в то время как общее право не может быть предметом каких-либо активных реформ. Из этого следует, что и консервативный и реформистский взгляды на проблему кодификации имели право на существование. Однако безусловным преимуществом обладали все же сторонники общего права. Впрочем, это не вызывает удивления, поскольку в этот период большинство американских юристов были воспитаны в духе школы общего права.

На практике успехи кодификации тоже были весьма умеренными. В период с 1820-х гг. в отдельных штатах было предпринято несколько смелых попыток кодифицировать ряд отраслей права, но в большинстве случаев предлагаемые проекты оказывались неэффективными. Так, «кодекс Ливингстона» — проект уголовного кодекса штата Луизиана 1824 г., по признанию многих исследователей, являющийся интеллектуальным памятником кодификационного движения и важным шагом в развитии теории американского уголовного права, не был одобрен консервативным законодательным собранием [5: с. 1106]. В 1836 г. по инициативе губернатора штата Массачусетс была создана специальная комиссия с целью «сведения общего права Массачусетса в писанный и систематизированный кодекс». Однако уже первый запрос в легислатуру штата о предоставлении необходимых для кодификации материалов остался без ответа, а деятельность комиссии вскоре была прекращена [10: с. 528]. В период с 1840-х гг. в Нью-Йорке под руководством Д.Д. Филда (1805–1894) была разработана целая серия кодексов, но лишь некоторые из них с большим трудом были приняты законодательным собранием штата [6: с. 79–85].

¹ *Garoupa N.M., Morriss A.P.* The Fable of the Codes: The Efficiency of the Common Law, Legal Origins & Codification Movements (September 9, 2011). Illinois Program in Law, Behavior and Social Science Paper No. LBSS11-32. – URL: <http://ssrn.com/abstract=1925104> (дата обращения: 18.01.2014 г.).

Некоторые из современных авторов считают, что основные причины неудачи в достижении конечной цели следует искать внутри самого кодификационного движения [2]. Во-первых, «движением» не может называться научная деятельность разрозненной группы правоведов, являвшихся преимущественно теоретиками. Кодификационное движение действительно страдало от дезорганизованности. На практике отсутствие единого лидера вело к разрозненности усилий отдельных реформаторов и, как следствие, негативным образом сказывалось на кодификационном движении. Безусловно, такие наиболее влиятельные фигуры в истории кодификационного движения, как Э. Ливингстон (1764–1836) и, позднее, Д.Д. Филд, внесли поистине фундаментальный вклад в развитие идеи кодификации. Однако Ливингстон, хотя и считается «отцом кодификационного движения» [7: р. 670], в дальнейшем не принимал в нем активного участия. Д.Д. Филд же, напротив, стал ключевым сторонником движения лишь на этапе его угасания. В определенных кругах авторитетом пользовался и английский правовед И. Бентам (1748–1832), чьи научные труды вызвали в США дискуссию по вопросу кодификации. Но в целом его влияние на американских юристов было не слишком значительным.

Во-вторых, среди сторонников кодификационного движения отсутствовало единое понимание сущности кодификации. Кодификация в понимании большинства представляла собой устранение коллизий в праве, удаление устаревших норм. Гораздо реже речь шла о всеобъемлющем пересмотре и систематизации действующего права [3: с. 434]. Впрочем, и реформаторы, придерживавшиеся более радикальных взглядов, как правило, сводили свои умозаключения лишь к критике слабостей системы общего права (архаичность, чрезмерное использование фикций, сложной терминологии и т. д.) [2: с. 175–176], не выработывая каких-либо конкретных предложений.

В то время как подобные утверждения представляются соответствующими действительности, не следует ограничиваться анализом только внутренних противоречий кодификационного движения. Пожалуй, более существенное значение необходимо придавать объективным внешним факторам правовой среды. Несмотря на сохранявшуюся среди юристов популярность идеи кодификации, уже к началу 40-х гг. XIX в. кодификационное движение стало терять свою силу [3: с. 436]. Обстоятельства, которые изначально предопределили необходимость преобразования правовой системы США, более не были представлены. Парадокс заключается в том, что если ранее критический подход к системе общего права был в наибольшей степени благоприятен для развития идеи кодификации права, то впоследствии он приобрел противоположный эффект, предоставляя дополнительное преимущество оппонентам кодификационного движения.

Дело в том, что, несмотря на отрицание сторонниками кодификации принципов общего права, данная система оказалась вполне жизнеспособной в условиях стремительно развивающегося американского общества. Кодификация, являвшаяся в глазах ее оппонентов чрезвычайно объемной по своим масшта-

бам и поэтому едва ли выполнимой, действительно растянулась на долгие годы. В отсутствие альтернатив полностью функционировавшая система общего права многим представлялась предпочтительней, чем любые нереализованные проекты. Наиболее консервативные и умеренные сторонники правовой реформы имели не только численное, но и идеологическое преимущество над наиболее радикальными представителями кодификационного движения. В целом они смогли добиться определенных успехов в улучшении действовавшей правовой системы, ранее подвергавшейся обоснованной критике. Совокупность таких мер, как усиление регулятивной силы статутов, более эффективные ревизии законодательства, упорядочивание системы судебных актов и появление значительного количества научно-практических трудов, посвященных особенностям функционирования системы американского права, позволила сделать право менее запутанным и более доступным для применения [6: с. 75]. Таким образом, к 40-м гг. английское общее право прошло естественный процесс «американизации», т. е. смогло трансформироваться в иную, оригинальную правовую систему США, способную успешно решать стоявшие перед ней задачи.

Таким образом, период кодификационного движения является одним из наиболее спорных в правовой истории США. Современные исследователи склонны рассматривать увлеченность идеей кодификации в этот период в качестве самостоятельного научно-практического движения. В то же время американские правоведы, участвовавшие в обсуждении данного вопроса на протяжении нескольких десятилетий XIX в., не считали, что принадлежат некоему кодификационному движению. Во многом это было связано с тем, что единая наука в США находилась еще только на раннем этапе своего становления. Вследствие закрепленного Конституцией США принципа федерализма каждый из штатов был ответствен за формирование собственной правовой системы. Данное обстоятельство оказывало существенное влияние на ход развития идеи кодификации в течение большей части XIX в. Разработка проектов различных кодексов и ревизий законодательства, обсуждение достоинств и недостатков кодификации происходили, как правило, локально. Тем не менее термин «кодификационное движение» довольно точно отражает существование внутри самых разных слоев юридического сообщества особого интереса к идее кодификации, получившей максимально широкий профессиональный резонанс.

Несмотря на то, что успехи кодификационного движения были довольно умеренными, его значение для развития правовой системы США переоценить невозможно. Несомненно, данный период знаменателен тем, что некоторым штатам удалось произвести частичную кодификацию права, хотя и отличающуюся значительным образом от европейской. Однако в наибольшей степени кодификационное движение заслуживает внимания по той причине, что оно внесло существенный вклад в правовую науку США. Во-первых, оставленное кодификационными дебатами юридическое наследие послужило отправной

точкой для дальнейшего исследования вопросов кодификации и для новых, более удачных попыток привести данную идею в исполнение. Во-вторых, противостояние сторонников и противников кодификации обозначило будущую роль научного подхода в решении любых вопросов, связанных с правом. Именно период кодификационного движения является тем временем, когда в США, наряду с практикой, юридическая наука становится основным источником развития права.

Литература

1. *Barnes H.E.* The Evolution of American Criminal Jurisprudence as Illustrated by the Criminal Code of Pennsylvania // *The Open Court*. 1923. Vol. 36. № 805. P. 321–338.
2. *Cook C.M.* The American Codification Movement: A Study of Antebellum Legal Reform. Westport, Connecticut, 1981. 234 p.
3. *Gordon R.W.* The American Codification Movement // *Vanderbilt Law Review*. 1983. Vol. 36. P. 431–458.
4. *Grossman L.A.* Langdell Upside-Down: James Coolidge Carter and the Anticlassical Jurisprudence of Anti-Codification // *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2007. Vol. 19. P. 149–219.
5. *Kadish S.H.* Codifiers of the Criminal Law: Wechsler's Predecessors // *Columbia Law Review*. 1978. Vol. 78. № 5. P. 1098–1144.
6. *Head J.W.* Codes, Chaos, and Champions: Common Features of Legal Codification Experiences in China, Europe, and North America // *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2003. Vol. 13. № 1. P. 1–93.
7. *McClellan J.L.* Codification, Reform, and Revision: The Challenge of a Modern Federal Criminal Code // *Duke Law Journal*. 1971. Vol. 1971. № 4. P. 663–716.
8. *Randolph T.J.* *Memoirs, Correspondence and Private Papers of Thomas Jefferson*. Vol. 3. London, 1829. 552 p.
9. *Reimann M.* The Historical School against Codification: Savigny, Carter, and the Defeat of the New York Civil Code // *The American Journal of Comparative Law*. 1989. Vol. 37. № 1. P. 95–119.
10. *Warren C.* *A History of the American Bar*. Washington, D. C., 2006. 604 p.

A.V. Kochemasov

The Codification Movement in the United States of the 19th Century

The article is devoted to the codification movement in the United States of the 19th century. The causes of appearance of the codification movement and its key features are considered. The role of the codification movement in the legal history of the United States is analyzed.

Keywords: codification; codification movement; the United States; law.

М.В. Смоляров

Идея реформирования пенитенциарной системы в проекте Уголовного уложения 1754 г.

В статье анализируется идея наказаний по Проекту Уголовного уложения 1754 г. Обосновывается тот факт, что сегодняшнее реформирование уголовно-исполнительной системы невозможно без учета исторического опыта, в том числе и реформаторской мысли XVIII в. Автор считает, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г., принятая Правительством РФ в октябре 2010 г., базируется в том числе и на гуманистических началах проекта Уголовного уложения 1754 г., а также иных документов (Наказа Екатерины II, проекта Устава о тюрьмах и др.).

Ключевые слова: Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года; уголовно-исполнительное право; наказание; Проект Уголовного уложения.

14 октября 2010 года была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [2]. По мысли разработчиков документа, Концепция должна стать основой, базисом для дальнейшего реформирования пенитенциарной системы на ближайшее время. С первых шагов ее реализации некоторые ученые и правозащитники достаточно жестко критикуют ее¹. Однако разработка положений Концепции, создание какого-либо плана реформирования пенитенциарной системы должно заслуживать уважения. А для дальнейшей реализации положений документа следует изучить исторический опыт реформирования пенитенциарной системы России с целью формирования четкого понимания проблем модернизации пенитенциарной сферы и путей их решения.

Гуманистическая направленность Концепции, ее человеколюбивые основы уходят своими корнями глубоко в прошлое. Одной из первых попыток четко и грамотно сформулировать позицию государственной власти по отношению к преступникам, а также к назначаемому им наказанию можно считать разработку законодательных положений по вопросам преступления и назначения наказаний в проекте Уголовного уложения 1754 г.

¹ Доклад В.И. Селиверстова о Концепции развития уголовно-исполнительной системы в РФ на заседании Союза криминалистов и криминологов (15.02.2011 г. — МГЮА). — URL: http://www.crimpravo.ru/blog/ugolovno-ispolnitelnay_systema/768.html (дата обращения: 4.10.2013 г.); О концепции реформы уголовно-исполнительной системы России. — URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_10/materials/concept_of_reform/ (дата обращения: 4.10.2013 г.).

В 1754 г. по Указу Елизаветы Петровны при Сенате была образована специальная комиссия, занимающаяся вопросами формирования нового уголовного уложения [6: с. V]. Был определен план работы, в соответствии с которым комиссия должна была составить 4 части Уголовного уложения: первая (30 глав) — процессуальное право, вторая (21 глава) — «гласит о таких правах, которые подданным в государстве по разному их состоянию персонально принадлежат», третья (23 главы) — «содержит в себе все то, что до движимого и недвижимого имущества и до разделения оногo принадлежит...», четвертая (65 глав) — как производить розыск «и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены будут» [4: с. IV–V].

В состав Комиссии вошли: генерал-майор Дивов, профессор Штрубе-де-Пирмонт, главный судья Судебного приказа Безобразов, Председательствующий Сената Глебов и другие [6: с. V–VI]. Комиссия была наделена определенными правами: так, например, при составлении Уложения и разрешении вопросов, которые касались бы духовных лиц, члены Комиссии могли требовать от Синода обязательного присутствия «духовных персон» на своих заседаниях [6: с. VI].

Однако, несмотря на серьезное привлечение административных ресурсов, результаты работы были следующие: Комиссия смогла представить до апреля 1755 г. только две части проекта Уголовного уложения — первая часть была посвящена вопросам судным (то есть, иначе говоря, уголовному процессу), и четвертую часть, посвященную вопросам криминальным (при этом четвертая часть состояла из 63 глав) [4: с. V]. Все части были отправлены на своеобразную законодательную экспертизу в Сенат, а потом представлены императрице. Елизавета Петровна данный проект Уголовного уложения не утвердила. В результате работа Комиссии была приостановлена на достаточно длительное время. В последующем попытки произвести работы над единым унифицированным уголовным актом предпринимались в период с 1761 по 1766 г., когда была созвана еще одна Комиссия по составлению Уголовного уложения [6: с. VII].

Как отмечали современники, работа Комиссии по составлению нового Уголовного уложения 1754 г. имела как позитивные, так и негативные черты: к позитивным можно отнести то, что законодатель предусматривал четкое и подробное наказание за каждое преступление («уголовная санкция почти всегда является в форме безусловно-определенной») [6: с. VI], отрицательными моментами можно считать, во-первых, отсутствие системы в построении проекта Уголовного уложения (главы независимы друг от друга), во-вторых, в главах 39, 44, 51, 54, 55 проекта отсутствуют обобщения, а в главе 51 «о преступниках, приказах и лихоимстве» комиссия предлагает применять уголовный закон по аналогии [6: с. VIII–IX].

Постараемся особо выделить разработанные Комиссией по составлению Уложения те положения, которые представляют несомненный интерес для современного изучения.

В первой главе проекта Уголовного уложения 1754 г. обозначалось положение об обязательном проведении розыскных мероприятий после совершения преступления. Розыск проводился в отношении подозреваемых в совершении преступления, а также тех, кто пойман на месте преступления или частично изобличен; если же подозреваемого нет, или был донос, то здесь основой выступало своеобразное судебное следствие [5: с. 1–3].

В п. 1 гл. 2 проекта 1754 г. указывалось, что при расследовании каждого уголовного дела в судебных органах судья должен убедиться, что истина по делу была установлена, в ней нет никакого сомнения, а также должно установить: кем было совершено данное преступление [5: с. 3–5].

Особо отметим, что в п. 3 гл. 2 проекта крайне подробно рассматриваются вопросы документального подтверждения фактов совершения преступлений: так, например, при обнаружении мертвого тела необходимо было на место преступления прислать «члена [суда. — М.С.] с секретарем судебного органа» и врача («доктора или лекаря»), который бы четко смог установить причину смерти данного лица («подлинно ли убитому от полученных ран смерть приключилась») [5: с. 3]. Кроме того, врач должен был установить орудие совершения преступления («каким орудием убитый ранен был») [5: с. 4].

Серьезную роль в вопросах информирования о совершении преступлений играли доносы. В п. 1 гл. 3 проекта не допускались доносы детей на своих родителей, мужей на своих жен, жен на своих мужей, крестьян или иных людей на тех, кому они служат (в последнем пункте — «кроме важнейших по первым двум пунктам дел», при наличии достаточных доказательств доносить было разрешено) [5: с. 5].

В четвертой главе проекта устанавливались условия содержания лиц в пенитенциарных учреждениях того времени. Подозреваемых в совершении тяжких преступлений (такое понятие в проектах отсутствовало, но подразумевалось), наказываемых различными членовредительскими наказаниями, следовало посадить «под караул». По другим же, «не столь важным преступлениям», лиц, совершивших преступления, следовало сдать на поруки, но таким образом, чтобы подозреваемый во время следствия и суда мог быть представлен следственным органам в любое удобное время. Что касается лиц духовного звания, то их пытать было не запрещено, но при условии снятия с данных лиц духовного звания, отмечалось в п. 1 гл. 4 проекта [5: с. 8].

В соответствии с п. 2 гл. 4 проекта двор подозреваемого следовало описать надлежащим образом, справку, составленную в соответствии с требованиями, сдать в село или деревню, в которой находились дворы подозреваемого [5: с. 8–9].

Следить за лицами, содержащимися под стражей (в острогах), как следовало из проекта (п. 4 гл. 4), нужно было «неослаблено»: караульный офицер должен наблюдать, чтобы подозреваемый не совершил никаких противоправных действий [5: с. 9]. Кроме того, обер- или унтер-офицеру надлежало проверять наличие лиц, содержащихся под стражей, каждое утро на случай обнаружения

какой-либо «неосторожности... или небрежения» со стороны часовых [5: с. 10]. Подозреваемых по одному преступлению законодатель требовал расселить в разные помещения, чтобы между собой они не договорились [5: с. 10]. «Которые колодники в смотрение отданы будут и им того весьма наблюдать, чтобы они без пропитания не были», — отмечалось в п. 8 гл. 4 проекта [5: с. 10–11]. Караульные офицеры должны были наблюдать за тем, чтобы подозреваемые вели себя правопослушным образом, не вредили друг другу [5: с. 10–11].

В п. 9 гл. 4 отмечалось, что посторонних людей к подозреваемым пускать было запрещено. Запрет не распространялся на тех, кто имел надлежаще оформленное позволение приходить к подозреваемым (соответствующее разрешение от судьи) [5: с. 11].

При побеге подозреваемого должно произвести комплексное расследование случившегося: установить, кто из охраны был виноват в сложившейся ситуации. Если будет установлено, что побег был осуществлен при попустительстве тюремного начальства, а к сбежавшему имеется иск о взыскании определенной суммы и его найти не представляется возможным, то данную сумму следует возложить на тех лиц, по вине которых подозреваемый сбежал. В п. 11 гл. 4 проекта указывается, что в случаях, когда виновному должностному лицу нечем будет платить по счетам, то наказывать виновное лицо будут «плетьюми, ссылать для зарабатывания в каторжную работу» [5: с. 11]. Если колодник шел по важному государственному делу, то его следовало «накрепко разыскивать», при поимке предоставлялось право пытаться, чтобы узнать о его сообщниках, которые помогли ему сбежать [5: с. 11].

Для содержания подозреваемых законодатель предусматривал строительство острогов, соответствующих требованиям безопасности. Внутренне остроги должны были разделяться на два основных отделения: мужское и женское. Губернаторы следили за тем, чтобы остроги «были крепки», подозреваемые не бежали, и им оказывалась должная медицинская помощь, отмечалось в п. 16 гл. 4 проекта [5: с. 13–14].

Что касается наказаний, то, анализируя проект Уголовного уложения 1754 г., можно выделить следующие группы наказаний, которые должны были применяться к установленным судом преступникам:

1. Смертная казнь подразумевалась в нескольких основных видах: 1) путем отсечения головы; 2) путем сжигания преступника; 3) путем колесования; 4) путем четвертования; 5) путем повешения; 6) смертная казнь с последующим наказанием уже мертвого тела — применялась в отношении преступников, совершивших кражу из церкви; 7) смертная казнь за добавление в монеты «воровски» меди, олова или свинца, указанная в п. 1 гл. 38 проекта 1754 г. Преступнику заливали горло, видимо, тем, что он использовал для добавления в монеты (законодатель, к сожалению, не конкретизирует). После осуществления наказания преступнику отрубали голову [5: с. 137].

2. Наказания, связанные с причинением преступнику телесных повреждений. Телесные наказания предусматривались в нескольких модификациях:

1) сечь плетью; 2) сечь кнутом; 3) сечь батогами; 4) вырвать ноздри; 4) сечь кошками.

3. Денежные наказания — пени. Применялись в следующих случаях: фальшивомонетничества, бесчестия духовных и гражданских персон (гл. 42 Проекта), иные преступления.

4. Наказания, связанные с осуществлением духовного перевоспитания.

5. Каторга.

6. Тюрьма или арест. Кроме обычного лишения свободы законодатель предусматривал возможность домашнего ареста на срок от 1 до 3 недель в отношении лиц, оскорбивших вышестоящих должностных лиц.

7. Конфискация имущества.

8. Наказания, предусматривающиеся для самоубийц, которые свое дело довели до логического завершения (п. 1 гл. 27 проекта 1754 г. гласит, что тела самоубийц необходимо было привязывать к лошади и волочить их по улицам, дабы «другие такового над собой беззакония чинить не отважились») [5: с. 101]. По каждому делу следствию предписывалось установить: в каком состоянии было совершено данное деяние, имеются ли признаки депрессии («беспамятства, болезни и меланхолии»). Если данные признаки устанавливаются, то самоубийцу порочить не разрешалось после смерти. Его требовалось похоронить в определенном на то месте [5: с. 102].

9. Отдача в собственность могла применяться в случае, указанном в п. 10 гл. 25 проекта: если лицо совершило убийство крестьянина или дворового человека. В данном случае виновного первоначально били кнутом, а потом вместе с семьей могли отдать в собственность хозяину убитого крестьянина или дворового человека. Данный вид наказания применялся в случае совершения неумышленного убийства. В случае совершения умышленного убийства виновного подвергали смертной казни [5: с. 92–93].

10. Иные виды наказаний: ссылка на прядильные работы для тех, кто выступил инициатором создания публичных домов, а также в качестве дополнительного наказания для «непотребных девок», изъятых из публичных домов (п. 3, 4 гл. 50 Проекта 1754 г.) [5: с. 170].

Анализируя проект Уголовного уложения, следует признать, что для своего времени он был достаточно актуален и применим. Однако Проект принят не был, идеи остались на бумаге.

Думается, что в деле реформирования уголовного законодательства и уголовно-исполнительной системы России вполне можно использовать как позитивный, так и негативный исторический опыт прошлого, в том числе и опыт реализации отдельных законодательных актов. К примеру, основываясь на идеях законодательства XVIII в., при совершении некоторых неопасных для общества преступлений лиц, совершивших противоправное деяние и не представляющих угрозу качеству проводимого расследования, в современной России можно не заключать под стражу, что улучшит положение тех граждан, которые содержатся в следственных изоляторах.

Кроме того, необходимо выполнение всех требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., так как именно этот план позволит улучшить содержание граждан в учреждениях уголовно-исполнительной системы: критики, отрекаясь от Концепции, должны представить какой-либо иной план развития, альтернативу существующему. Однако пока этого не происходит.

Литература

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
2. Проект Нового уложения, составленный законодательной комиссией 1754–1766 гг. Часть третья «О состоянии подданных вообще» / Под ред. В.Н. Латкина. СПб., 1893. 285 с.
3. Проект уголовного уложения 1754–1766 гг. Новоуложенной книги, часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены будут / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882. 208 с.
4. *Сергеевский Н.Д.* Предисловие к Проектам уголовного уложения 1754–1766 гг. Новоуложенной книги, часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены будут / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882. 208 с.

References

1. O Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' Rossijskoj Federacii do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r // Sobr. zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2010. № 43. St. 5544.
2. Proekt Novogo ulozheniya, sostavlenny'j zakonodatel'noj komissiej 1754–1766 gg. Chast' tret'ya «O sostoyanii poddann'y'x voobshhe» / Pod red. V.N. Latkina. SPb., 1893. 285 s.
3. Proekt ugolovnogogo ulozheniya 1754–1766 gg. Novoulozhennoj knigi chast' vtoraya: o rozy'skny'x delax i kakie za razny'e zlodejstva i prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy' polozheny' budut / Pod red. A.A. Vostokova. SPb., 1882. 208 s.
4. *Sergeevskij N.D.* Predislovie k Proektam ugolovnogogo ulozheniya 1754–1766 gg. Novoulozhennoj knigi chast' vtoraya: o rozy'skny'x delax i kakie za razny'e zlodejstva i prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy' polozheny' budut / Pod red. A.A. Vostokova. SPb., 1882. 208 s.

M.V. Smolyarov

**The Idea to Reform the Penal System in the Project
of the Criminal Law Code Dated back to 1754**

The paper analyzes the idea of punishment according to the Project of the Criminal Law code in 1754, substantiates the fact that the present reform of the penal system is impossible without taking into account historical experience, including the reformist ideas of the 18th century. The author believes that the concept of development of the penal system till 2020 adopted by the Government of the Russian Federation in October 2010 is based on humanitarian principles of the draft of the Criminal Law in 1754 and other documents (Mandate by Catherine II, the Draft Constitution of the prisons, etc.).

Keywords: Concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020; criminal law enforcement; punishment; Criminal Law Project.

А.М. Черный

Влияние международно-правовых норм по предупреждению торговли людьми на российское законодательство

Данная статья посвящена проблеме торговли людьми, которая не теряет своей актуальности с древнейших времен по настоящее время. Работоторговля — это высокоорганизованный бизнес, приносящий огромные прибыли преступному сообществу. Рассмотрены основные международные нормативно-правовые акты, касающиеся борьбы с данным явлением, принятые еще со времен СССР, но распространяющие свое действие и на современную Россию, а также документы, вносящие изменения в отечественное законодательство, ратифицированные Россией в 2013 году.

Ключевые слова: конвенция; торговля людьми; рабство; ратификация; законодательство.

Торговля людьми была и остается одной из главных проблем современности. Каждый год тысячи людей попадают в подневольное положение, перевозятся в другие страны на правах бесплатной рабочей силы, в публичные дома или, страшнее того, в качестве доноров органов. Люди зачастую пребывают в адских условиях, терпят голод, холод, побои, не получают должного и своевременного медицинского обслуживания. Проблема борьбы с рабством касается многих стран мирового сообщества, не является исключением и Россия.

Впервые на недопустимость такого явления, как торговля людьми, а точнее, торговля жителями африканского континента, на международном уровне, указала специальная декларация Венского конгресса 1815 года, а первые практические меры по борьбе с рабством и работоторговлей были предприняты Лондонским договором 1841 г., который заключили между собой Россия, Франция, Англия и Пруссия.

По данным рейтинга мирового рабства Global Slavery Index 2013, странами с наибольшим числом рабов являются Индия, Китай, Пакистан, Нигерия, Эфиопия, Россия, Таиланд, Демократическая Республика Конго, Мьянма и Бангладеш. В совокупности на эти страны приходится 76 % от общемирового количества (29,8 млн. чел.) современных рабов¹.

Число людей, находящихся в рабстве на территории Российской Федерации, составляет, по данным авторов исследования, от 490 до 540 тысяч чело-

¹ Global Slavery Index. – 2013. – URL: <http://www.globalslaveryindex.org/findings/> (дата обращения: 22.12.2013 г.).

век. Если по отношению к населению страны в целом доля рабов в России относительно невелика, отмечают составители *Global Slavery Index 2013*, то по абсолютному числу людей, находящихся в рабстве, Россия занимает шестое место в мире¹. Современное рабство может принимать различные формы, например, детей и подростков могут похищать для несения военной службы, женщин и детей могут использовать в качестве домашней прислуги на кабальных условиях и т. д. Во многих странах мира жертвы работорговли опасаются обращаться к властям за помощью, поскольку им может грозить тюремное заключение или депортация из страны.

В настоящее время существует множество международных нормативно-правовых актов, которые оказывают огромное влияние на развитие внутригосударственного законодательства. Для государств — участников международно-правовых договоров, после выполнения соответствующих процедур, содержащиеся в них положения становятся обязательными. Международные договоры, запрещающие торговлю людьми и иные подневольные состояния, предоставляют возможность реализации таких норм государствам, участвующим в них. В буквальном понимании может сложиться мнение, что речь идет о создании в международном праве единой системы преступлений, связанных с торговлей людьми, обязательной для имплементации всеми государствами. Безусловно, это не так. Концептуальное сходство рассматриваемых деяний заключается только в том, что все они опираются на определенные исходные документы, составляющие некий базовый набор нормативных положений, которые и образуют международное законодательство, относящееся к борьбе с торговлей людьми.

Торговля людьми, с точки зрения современного международного права, означает «осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов»².

Данное определение является действующим и в России, так как соответствующий Протокол к Конвенции ООН был ратифицирован Россией в 2004 г. [7: с. 2].

¹ Россия заняла 49-е место в рейтинге мирового рабства. – 2013. – URL: <http://lenta.ru/news/2013/10/17/slavery/> (дата обращения: 22.12.2013 г.).

² Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 22.12.2013 г.).

Социально-экономические и политические процессы, происходящие в России, все более усиливают интеграцию нашей страны в мировое сообщество, в том числе — в мировую правовую систему. Так, в 1993 году в Конституции Российской Федерации был закреплён принцип приоритета международного права над правом национальным. Он гласит, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). В связи с этим особую ценность приобретают исследования взаимодействия системы международного права и российского законодательства¹. Таким образом, под влиянием международных договоров в 2003 г. произошла реформа УК Российской Федерации, кардинальным образом изменившая его содержание, что, по замыслу разработчиков, должно было способствовать гуманизации современной уголовной политики. До декабрьской реформы 2003 года в отечественном уголовном законодательстве отсутствовали нормы об ответственности за торговлю людьми и использование рабского труда. Включив соответствующее деяние в систему преступлений, посягающих на личную свободу человека, законодатель выразил его конвенционную сущность и выполнил тем самым предписания международно-правовых актов.

Федеральным законом № 162 ФЗ от 08 декабря 2003 г. в Уголовный кодекс РФ законодатель был вынужден внести существенные изменения, к числу которых относится установление уголовной ответственности за торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ). Включив соответствующее деяние в систему преступлений, посягающих на личную свободу человека, законодатель выразил его конвенционную сущность и выполнил тем самым предписания ранее перечисленных международных документов. В ст. 127.2 УК РФ под использованием рабского труда понимается «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)» [2]. Введение уголовной ответственности за рассматриваемое деяние символично для нашего государства, поскольку ознаменовало собой не только соблюдение предписаний международно-правовых актов, но и официальное признание того, что данное преступное явление в России существует и назрела необходимость борьбы с рабством при помощи уголовно-правовых механизмов².

¹ Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: автореф. дис. ... докт. юрид. — 2003. — URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=129518> (дата обращения: 10.03.2013 г.).

² Евстифеева Е.В. Организованная преступность и торговля людьми: криминологический и уголовно-правовой анализ: специализированный учебный курс / Под ред. Е.В. Кобзевой. Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2004. — URL: www.pravo.vuzlib.org/book_z423_page_9.html (дата обращения: 10.03.2013 г.).

Еще в 1989 г. была принята Конвенция о правах ребенка, которая наряду с другими обязанностями государств-участников возложила на них обязанность защищать ребенка от любых форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения [1]. В соответствии с данной Конвенцией УК РФ 1996 г. была установлена уголовная ответственность за:

а) изнасилование заведомо несовершеннолетней и потерпевшей, заведомо не достигшей 14 лет (п. «д» ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 131);

б) насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении заведомо несовершеннолетнего и в отношении лица, заведомо не достигшего 14 лет (п. «д» ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 132);

в) половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134);

г) совершение развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего 14 лет (ст. 135);

д) вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, в том числе в занятие проституцией (ст. 151). С декабря 2003 г. деяния, связанные с использованием для занятия проституцией заведомо несовершеннолетних, квалифицируются по п. «в» ч. 2 ст. 241 УК РФ, а деяния, связанные с использованием для занятия проституцией лиц, заведомо не достигших 14 лет, — по ч. 3 ст. 241 УК РФ, максимальное наказание за эти преступления достигает 10 лет лишения свободы, тогда как до этого оно не могло превышать 6 лет лишения свободы;

е) торговля несовершеннолетними (ст. 152) [5: с. 160]. С декабря 2003 г. эти преступления отнесены к преступлениям против личной свободы и квалифицируются по ч. 2 ст. 127.1. УК РФ.

Ратификация в 1956 году Россией Конвенции МОТ № 29 относительно принудительного или обязательного труда, а также Конвенции МОТ № 105 об упразднении принудительного труда в 1998 году, повлекла внесение соответствующих изменений в трудовое законодательство. Статья 4 Трудового кодекса Российской Федерации содержит определение понятия «принудительный труд», а также перечень запрещенных форм принудительного труда, которые содержатся в упомянутых Конвенциях. Статья 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства о труде в виде административного штрафа, налагаемого на должностных лиц, в размере до 50 минимальных размеров оплаты труда. В случае повторного нарушения должностное лицо, его совершившее, может быть дисквалифицировано на срок от 1 года до 3 лет.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации полностью предусмотрел меры безопасности, которые могут приниматься в рамках конкретных уголовных дел в отношении потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного процесса, в случаях, если им или их родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их

имущества либо иными противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11). К уголовно-процессуальным мерам безопасности УПК России относит:

– возможность исключения из протокола следственного действия данных о личности защищаемого участника уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166);

– контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186); предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193);

– возможность проведения закрытого судебного разбирательства по уголовному делу (п. 4 ч. 2 ст. 241);

– допрос судом свидетеля без оглашения подлинных данных о его личности в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278).

С 01 января 2005 г. вступил в силу Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Президент России Владимир Путин поручил Правительству Российской Федерации, совместно с Госдумой в декабре 2012 года принять необходимые меры для ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Основная цель данного законопроекта — выражение согласия РФ на обязательность для нее положений Конвенции и Факультативного протокола. 13 апреля 2013 года Президент России внес в Государственную думу на ратификацию два данных документа.

07 мая 2013 года Российская Федерация ратифицировала Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии.

Протокол определяет такие понятия, как «торговля детьми», «детская проституция», «детская порнография», называет меры, предпринимаемые государствами-участниками, и уделяет внимание вопросам юрисдикции, а также выплаты компенсации пострадавшим детям [3].

Данный международный документ подписали и ратифицировали 120 государств. При этом три страны в мире по сегодняшний день отказываются присоединиться к протоколу — это США, Южный Судан и Сомали¹.

Также 13 мая 2013 года Россия ратифицировала «Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» [4].

Конвенцией устанавливаются международные стандарты в области предупреждения и борьбы с любыми проявлениями сексуального насилия

¹ Россия ратифицировала протокол Конвенции ООН по правам ребёнка. – 2013. – URL: <http://file-rf.ru/news/15930> (дата обращения: 22.12.2013 г.).

в отношении детей, в том числе с домашним насилием, определяются формы международного правового сотрудничества в этой сфере и предусматривается комплекс мер в отношении жертв сексуального насилия.

Конвенция содержит жесткие требования в отношении лиц, совершивших либо намеревающихся совершить преступления сексуального характера в отношении детей, связанные в том числе с детской проституцией, детской порнографией, участием ребенка в порнографических представлениях, совращением детей, их домогательством в сексуальных целях¹.

Конвенцию уже подписали более 40 государств, из них ратифицировали только 18. Из ведущих государств — членов Совета Европы еще в 2007–2008 годах конвенцию подписали, но до настоящего времени не ратифицировали Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Норвегия, Польша, Португалия и Швеция².

На основе ратифицированных нормативно-правовых актов в российском правотворчестве формируются современные аспекты понимания рабства, влияющие на весь процесс борьбы с данным явлением.

Только неукоснительное выполнение Российской Федерацией взятых на себя обязательств, содержащихся в принятых нормативных актах, может оказать влияние на действия по борьбе с торговлей людьми.

В российской практике имеют место и не выполненные Россией обязательства, содержащиеся в ратифицированных ею международно-правовых актах:

- обязательство, содержащееся в п. 6 ст. 6 Протокола № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, состоящее в том, чтобы внутренняя правовая система государств-участников предусматривала меры, предоставляющие жертвам торговли людьми возможность получения компенсации за причиненный ущерб;

- обязательства по координации и централизации результатов расследования данного вида преступлений на международном и национальном уровнях и наложение наказаний за них, содержащиеся в ст. 14 и 15 Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами;

- обязательства направленные на предупреждение торговли людьми, а также на защиту жертв от ревиктимизации, содержащиеся в п. 1, 2 и 3 ст. 9 Протокола № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, и другие.

К числу обязательств, выполненных Россией в сфере борьбы с торговлей людьми, необходимо отнести:

- обязательства, связанные с криминализацией ряда деяний, предусмотренных в международно-правовых актах. Например, в 2012 году в УК РФ

¹ Подписаны законы о ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальных злоупотреблений и протокола к Конвенции о правах ребёнка. – 2013. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/18055#sel=> (дата обращения: 22.12.2013 г.).

² Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. – 2012. – URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=56&cid=380> (дата обращения: 22.12.2013 г.).

были внесены изменения в п. «б», ч. 2, ст. 127.1., а также в п. «б», ч. 2, ст. 127.2. («в отношении заведомо несовершеннолетнего» было заменено на «в отношении несовершеннолетнего»), кроме этого, усиливаются санкции в соответствии с п. «и» ч. 2, ст. 127.1. за данные деяния в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, и в п. «д» ч. 2, ст. 127.2. за использование рабского труда человека с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего;

– обязательства криминализовать действия, связанные с торговлей людьми.

К сожалению, перечень не выполненных Россией обязательств гораздо длиннее. Причина, на наш взгляд, кроется в существующих недостатках нашей правоохранительной системы, а также в том, что отсутствует тот государственный орган, в компетенцию которого были бы включены вопросы реализации международных обязательств в сфере борьбы с торговлей людьми, необходимости создания специальной межправительственной комиссии, которая бы координировала все вопросы по борьбе с торговлей людьми между различными силовыми ведомствами и привлечения общественных организаций, включая НПО [6: с. 59]. Кроме этого, необходима координация усилий специализированных комитетов по борьбе с торговлей людьми в рамках СНГ, а также сотрудничество с аналогичными ведомствами других стран и совершенствование национальных законодательств в вопросах, касающихся данного вида преступлений.

Шаги в этом направлении, среди стран — участников СНГ уже сделаны. Например, 03.04.2008 года принято Постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 30-13 «О рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми», предопределяющее необходимость международного сотрудничества на основе унификации и гармонизации национальных законодательств стран СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми¹.

Литература

1. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (Ратифицирована постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1). // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25.11.2013 г.) // Собрание законодательства РФ. № 25. 17.06.1996 г. Ст. 2954.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии» // Российская газета. 2013. 13 мая.

4. Федеральный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ г. Москва «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» // Российская газета. 2013. 13 мая.

¹ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 30-13 «О рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми». – 2011. – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic15/text786.htm> (дата обращения: 22.12.2013 г.).

5. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М.: Спарк. 1999. 287 с.
6. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юристъ, 2006. 591 с.
7. Сборник методических пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми. Глобальная программа по борьбе с торговлей людьми. Нью-Йорк: ООН. 2008. 562 с.

References

1. Konvenciya OON o pravax rebenka ot 20 noyabrya 1989 g. (Ratificirovana postanovleniem VS SSSR ot 13 iyunya 1990 g. №1559-1) // Sbornik mezhdunarodny'x dogovorov SSSR. 1993. Vy'p. XLVI.
2. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii (UK RF) ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (v red. ot 25.11.2013 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. № 25. 17.06.1996 g. St. 2954.
3. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2013 g. № 75-FZ «O ratifikacii Fakul'tativnogo protokola k Konvencii o pravax rebenka, kasayushhegosya torgovli det'mi, detskoj prostitucii i detskoj pornografii» // Rossijskaya gazeta. 2013. 13 maya.
4. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2013 g. № 76-FZ g. Moskva «O ratifikacii Konvencii Soveta Evropy' o zashhite detej ot seksual'noj e'kspluatatsii i seksual'ny'x zloupotreblenij» // Rossijskaya gazeta. 2013. 13 maya.
5. Lukashuk I.I., Naumov A.V. Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo. M.: Spark, 1999. 287 s.
6. Mizulina E.B. Torgovlya lyud'mi i rabstvo v Rossii: mezhdunarodno-pravovoj aspekt. M.: Yurist'', 2006. 591 s.
7. Sbornik metodicheskix posobij po voprosam bor'by' s torgovlej lyud'mi. Global'naya programma po bor'be s torgovlej lyud'mi. N'yu-'ork: OON. 2008. 562 s.

A.M. Cherniy

The Impact of International Law on the Prevention of Human Trafficking in Russian Legislation

This article is devoted to the problem of human trafficking, the problem that has not lost its relevance since ancient times up to present days. Slave trade is a highly-organized business and brings huge profits to criminal community. The article describes the main international legal instruments of fighting the phenomenon, which have been applied since the USSR times and affect modern Russia too, as well as some documents ratified in 2013 that updated the legislation of the Russian Federation.

Keywords: convention; human trafficking; slavery; ratification; law.

**А.В. Звонарев,
Д.А. Пашенцев**

Съезд Российского историко- правового общества: краткий обзор

14 февраля 2014 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоялся очередной Съезд Российского историко-правового общества, который прошел в виде научной конференции «Монархия как форма правления в истории государства и права». Участие в этом форуме приняло более 70 ученых из разных регионов России. Помимо Москвы, собравшиеся представляли такие города, как Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Архангельск, Кемерово, Красноярск, Самара и другие.

Открыл съезд президент Российского историко-правового общества, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД Роланд Сергеевич Мулукаев. В своем выступлении он охарактеризовал те задачи, которые стоят перед историко-правовой наукой сегодня, подчеркнул высокую степень актуальности исследования в области истории государства и права. В частности, Роланд Сергеевич отметил, что очень важно изучать историю правового регулирования национальных отношений в России. Несмотря на то, что было успешно защищено несколько диссертаций, касающихся отдельных аспектов данной проблематики, комплексный обобщающий труд по межнациональным отношениям в Российской империи все еще отсутствует.

Большой интерес вызвал у участников съезда доклад, который сделал заведующий кафедрой истории государства и права МГУ доктор юридических наук, профессор Владимир Алексеевич Томсинов. Его выступление было посвящено абсолютной монархии в сравнительно-правовом аспекте: на примере Англии, Франции и России.

По мнению В.А. Томсинова, сегодня следует пересмотреть устоявшиеся представления о сущности абсолютной монархии. Опираясь на анализ отечественного и зарубежного опыта, профессор попытался опровергнуть следующие тезисы:

1) абсолютная монархия в Англии имела незавершенный характер, так как не был ликвидирован парламент;

2) ликвидация абсолютной монархии в результате революций была в Европе неизбежна.

В то же время В.А. Томсинов подчеркнул отличие в развитии абсолютной монархии в России и в Европе: в Англии и Франции эта форма правления привела к созданию национального государства, а в нашей стране — к созданию «универсального» государства.

Отвечая на вопрос о том, какое определение абсолютной монархии он бы дал, профессор В.А. Томсинов сказал, что это — бюрократическая монархия.

Также живой интерес присутствовавших вызвал доклад профессора Александра Сергеевича Смыкалина из Екатеринбурга, который попытался аргументировать точку зрения, что царская семья не была расстреляна в 1918 году. Вместо них жестокой казни подверглись двойники.

По мнению профессора А.С. Смыкалина, все монархи Европы знают о том, что семья Николая II осталась жива и члены ее прожили долгую жизнь. Более того, царская дочь Анастасия, прожившая 104 года, в конце жизни тайно встречалась с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. В качестве доказательства своей версии профессор ссылался на ряд источников, в том числе на книгу Серго Берия «Мой отец — Лаврентий Берия». В заключение профессор А.С. Смыкалин заявил, что нам осталось дождаться 2018 года, когда истинные обстоятельства произошедшего в Екатеринбурге расстрела будут раскрыты.

Представитель Самарского государственного университета, кандидат юридических наук Кузнецова Елена Николаевна выступила с сообщением «Нетипичная монархия в России».

Доктор юридических наук из Красноярска Дробышевский Сергей Александрович рассказал про политико-юридические идеалы в догосударственную эпоху.

Доктор юридических наук Дорская Александра Андреевна выступила с докладом «К вопросу о статусе российского императора в Русской Православной Церкви». Было отмечено развитие двух направлений в юридической науке по данному вопросу. Представители первого — Н.С. Суворов, Е.Н. Темниковский и другие — высказывали идею о том, что в древней восточно-православной церкви субъектом высшей церковной власти был византийский император, и признание за русским императором высшей правительственной власти в православной церкви является историческим наследием после византийских императоров. Представители второго направления — П.В. Верховской и другие — утверждали, что объединение в лице монарха государственной и церковной власти — протестантская идея, и император не являлся главой Русской Православной Церкви.

В результате был сделан вывод, что законодательные формулировки допускали различную трактовку статуса российского императора в Русской Православной Церкви, но это было сделано сознательно, так как, с одной стороны, существовало безусловное стремление императора быть духовным лидером страны, но, с другой стороны, государственная власть боялась сопротивления духовенства.

От Московского городского педагогического университета в работе съезда приняли участие доктор юридических наук, профессор Д.А. Пашенцев и кандидат исторических наук, доцент А.В. Звонарев.

Д.А. Пашенцев

**Рецензия на монографию:
Кривенький А.И. Становление концепции
истории государства и права России
(на примере трудов профессора
С.В. Юшкова): монография
(Ч. 1. М.: Дашков и К., 2012. 269 с.)**

В настоящее время отечественная историко-правовая наука переживает кризис, о котором уже не раз говорилось на страницах современной периодической печати [1: с. 12; 4: с. 4].

Одним из «симптомов» этого кризиса выступает значительное снижение монографий, посвященных историко-правовой тематике. У этого фактора, помимо внутренних, есть и внешняя причина — издательства весьма неохотно публикуют такую литературу, которая интересует только представителей достаточно узкого круга ученых и заведомо не принесет прибыли.

В этих условиях можно только приветствовать появление монографического исследования, посвященного анализу концептуальных вопросов историко-правовой науки на примере трудов С.В. Юшкова [2].

Имя Серафима Владимировича Юшкова хорошо знает любой ученый, посвятивший себя исследованию историко-правовых проблем. Именно Юшков и его последователи создали современную науку истории отечественного государства и права. В 1940 г. был опубликован учебник С.В. Юшкова, в котором впервые определен предмет науки и учебной дисциплины как история государства и права, а не история права, как ранее [3: с. 67].

Именно в трудах С.В. Юшкова были заложены такие особенности отечественной историко-правовой науки, которые определили вектор ее развития в советский период и не до конца изжиты и сегодня:

- основанность на марксистской методологии (исторический материализм и учение об общественно-экономических формациях);
- тесная взаимосвязь развития права и государства и приоритет последнего, в противоположность западной науке, которая относит вопросы теории государства к политологии, а не к юриспруденции;

– преобладание исторического подхода над правовым, увлечение фактологией в ущерб анализу институтов права.

С.В. Юшков стал не только крупным советским ученым, но и талантливым педагогом, создавшим свою научную школу и подготовившим многих выдающихся преемников, таких, например, как Олег Иванович Чистяков — заслуженный профессор МГУ, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Автор рецензируемой монографии профессор Александр Иванович Кривенький отмечает, что концептуальное становление и развитие научной дисциплины «История государства и права России» определяется несколькими факторами: во-первых, этот процесс сопряжен с методологическим развитием исторической и юридической науки, закреплением новых форм научного познания и сменой актуальных исследовательских направлений; во-вторых, освещение истории государства и права опирается на массив достоверных источников, который растет по мере пополнения архивных фондов и расширения доступа к ним; в-третьих, немалую роль играют общественно-политический фон таких исследований, позиция государства как института, реализующего определенную стратегию общественного развития, опирающегося на те или иные идеологические приоритеты.

Он констатирует, что сегодня в области исторических исследований сложилась уникальная множественность концепций, интерпретаций, точек зрения, что в полной мере относится и к изучению истории отечественного государства и права. По мнению А.И. Кривенького, подобная ситуация имеет огромное значение для воспитания нового поколения исследователей, ориентированных на открытые научные дискуссии, обладающие критическим, самостоятельным мышлением. Однако, с сожалением констатирует автор, возникли и риски разрыва академических традиций, утраты преемственности научных поколений; нередкими стали примеры недостаточной научной добросовестности и продвижения спорных, сомнительных в концептуальном отношении идей, в том числе в современной учебной литературе.

А.И. Кривенький в монографии анализирует несколько современных учебников по дисциплине «История отечественного государства и права» и отмечает, что не все из них выдерживают тот высокий уровень, который задан трудами С.В. Юшкова.

Отмечая вклад С.В. Юшкова в разработку концептуальных основ историко-правовой науки, автор монографии указывает, что именно Юшков впервые ввел деление истории отечественного государства и права на дооктябрьский и послеоктябрьский периоды. Для дооктябрьского периода, по которому главным образом и специализировался С.В. Юшков, он разработал более детальную концептуальную структуру, в существенной степени сохраняющую свое значение и сегодня.

В монографии особо подчеркивается вклад С.В. Юшкова в научное исследование государства и права Киевской Руси. Результатами этого исследования стала публикация таких серьезных монографических работ, как «Очерки

по истории феодализма в Киевской Руси» (1939), «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1940), «Русская Правда» (1950).

Сегодня разработанная С.В. Юшковым концепция дофеодального государства, как отмечает автор рецензируемой монографии, подвергается обоснованной критике. В то же время невозможно отрицать тот весомый вклад, который внесли работы С.В. Юшкова в научное осмысление развития государства и права в Киевской Руси.

В монографии выявлены те основополагающие идеи, которые включает в себя научная концепция истории государства и права, разработанная С.В. Юшковым. Среди них автор выделяет следующие положения:

1. Все государства и правовые системы базируются на производственных отношениях.

2. На формирование государства и права принципиальное воздействие оказывали социально-классовые отношения.

3. Государство и право на территории России сложились не по «классическому» варианту, а сразу как феодальные институты.

4. Большое влияние на историко-правовые процессы оказали национальные и конфессиональные отношения.

5. Октябрьская революция открыла главу не только в отечественной, но и во всемирной истории государства и права [2: с. 263].

Следует отметить, что автор монографии не идеализирует С.В. Юшкова как ученого и указывает на те положения его концепции, которые не выдержали научной проверки идеи о «дофеодальном» государстве и его праве; о социальном происхождении слова «русь»; о государственном устройстве России в период революции 1905–1907 гг. и некоторые другие [2: с. 264].

В целом, рецензируемая монография А.И. Кривенького обладает рядом важных достоинств, среди которых целесообразно отметить следующие:

1. В монографии достаточно подробно раскрыт вклад С.В. Юшкова в становление отечественной историко-правовой науки, отчетливо показаны основные достижения выдающегося ученого-правоведа.

2. Автор монографии через призму работ С.В. Юшкова исследует современное состояние науки истории отечественного государства и права, выявляет особенности и проблемы ее развития.

3. В работе содержится большой фактологический материал историографического характера.

К числу недостатков можно отнести то, что автор, указав на марксистский характер методологии, применявшейся С.В. Юшковым, и подчеркнув определенную ее ограниченность, не остановился на тех альтернативах, которые предлагает историко-правовая наука сегодня, не охарактеризовал в достаточной степени с методологических позиций те идеи, которые пришли на смену концепции С.В. Юшкова. Можно предположить, что это дело будущего, и А.И. Кривенький обратится к данному вопросу в планируемой им второй части монографии.

В целом, монографическое исследование А.И. Кривенького, посвященное концептуальным вопросам развития историко-правовой науки на примере работ С.В. Юшкова, представляет собой серьезный труд, который не останется незамеченным научной общественностью.

Литература

1. *Дорская А.А.* Дисциплины историко-правового цикла в системе современного юридического образования // *Право и образование.* 2012. № 4. С. 12–19.
2. *Кривенький А.И.* Становление концепции истории государства и права России (на примере трудов профессора С.В. Юшкова): монография. Ч. 1. М.: Дашков и К, 2012. 269 с.
3. *Кривенький А.И.* Развитие концептуальных основ учебной дисциплины «История государства и права России» (на примере трудов С.В. Юшкова) // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки».* 2012. № 1. С. 32–43.
4. *Пашенцев Д.А.* Методологические проблемы современной историко-правовой науки // *Право и образование.* 2013. № 1. С. 4–11.

References

1. *Dorskaya A.A.* Discipliny istoriko-pravovogo cikla v sisteme sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya // *Pravo i obrazovanie.* 2012. № 4. S. 12–19.
2. *Kriven'kij A.I.* Stanovlenie koncepcii istorii gosudarstva i prava Rossii (na primere trudov professora S.V. Yushkova): monografiya. Ch. 1. M.: Dashkov i K, 2012. 269 s.
3. *Kriven'kij A.I.* Razvitie konceptual'ny'x osnov uchebnoj discipliny' «Istoriya gosudarstva i prava Rossii» (na primere trudov S.V. Yushkova) // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki».* 2012. № 1. S. 32–43.
4. *Pashencev D.A.* Metodologicheskie problemy' sovremennoj istoriko-pravovoj nauki // *Pravo i obrazovanie.* 2013. № 1. S. 4–11.

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2014, № 2 (14)

Алешкова Ирина Александровна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой конституционного права имени Н.В. Витрука ФГБОУ ВПО РАП (ialeshkova@mail.ru)

Власова Татьяна Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой теории права, государства и судебной власти ФГБОУ ВПО РАП (tgp_raj@mail.ru)

Воробьев Степан Валентинович — соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ГБОУ ВПО МГПУ (vstepan@gmail.com)

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (adorskaya@yandex.ru)

Дуэль Вера Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела аспирантуры и докторантуры ФГБОУ ВПО РАП (vduel@mail.ru)

Ефимова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ГБОУ ВПО МГПУ (Alisa03@mail.ru)

Ефремова Надежда Николаевна — кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО МГПУ (nadnike@mail.ru)

Звонарев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО МГПУ (zvonarev_av@mail.ru)

Кочемасов Артем Владимирович — аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Kochemasov.Artem@yandex.ru)

Кузьменко Владислава Константиновна — аспирантка кафедры уголовно-правовых дисциплин ГБОУ ВПО МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua)

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ГБОУ ВПО МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua)

Никифоров Владислав Геннадьевич — федеральный судья Суворовского районного суда Тульской области (suvor@cdtula.ru)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО МГПУ (dp-70@mail.ru)

Пряхина Татьяна Михайловна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ГБОУ ВПО МГПУ (doktrina2005@yandex.ru)

Смоляров Максим Владимирович — студент Академии ФСИН России (msmolyarov@yandex.ru)

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ГБОУ ВПО МГПУ (LBSitdikova@mail.ru)

Черный Александр Михайлович — аспирант кафедры международного права и прав человека ГБОУ ВПО МГПУ (2142870@mail.ru)

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ГБОУ ВПО МГПУ (AndreyanovaNN@mgpu.jurist.ru)

«MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2014, № 2 (14)

Aleshkova Irina Aleksandrovna — PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of constitutional law named after NV Vitruk FGBOU VPO Russian Academy of Justice (ialeshkova@mail.ru)

Vlasova Tatyana Valentinovna — PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of Department of the theory of law , State and Judiciary FGBOU VPO Russian Academy of Justice (tgp_raj@mail.ru)

Vorobyov Stepan Valentinovich — external PhD student of Theory and History of State and Law Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (vstepan@gmail.com)

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Grand PhD in Law, Professor, Head of the International Law Department of Russian State Pedagogical University named after AI Gertsen (adorskaya@yandex.ru)

Duel Vera Mikhaylovna — PhD in Law, Associate Professor, Head of Postgraduate Department FGBOU VPO Russian Academy of Justice (vduel@mail.ru)

Efimova Olga Vladimirovna — PhD in Law, Associate Professor, Head of Civil Disciplines Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (Alisa03@mail.ru)

Efremova Nadezhda Nikolaevna — PhD in Law, Professor, leading researcher, Department of state History, law and political doctrines IGP RAS, Professor of Theory and History of State and Law Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (nadrnike@mail.ru)

Zvonarev Andrey Vladimirovich — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (zvonarev_av@mail.ru)

Kochemasov Artem Vladimirovich — postgraduate student of Legal History and State History Department, Moscow State University named after Lomonosov M.V (Kochemasov.Artem@yandex.ru)

Kuzmenko Vladislava Konstantinovna — postgraduate student of Criminal Law Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (proffkuk-1944@yandex.ua)

Kuksin Ivan Nikolaevich — Grand PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation , Professor of Criminal Law Department GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (proffkuk-1944@yandex.ua)

Nikiforov Vladislav Gennadyevich — Federal judge of Suvorovsky district, Tula region (suvor@cdtula.ru)

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Grand PhD in Law , Professor of Theory and History of State and Law Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (dp-70@mail.ru)

Pryakhina Tatyana Mikhaylovna — Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of state and law subjects, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (doktrina2005@yandex.ru)

Sitdikova Lyubov Borisovna — Grand PhD in Law, Professor, Professor of Civil Disciplines Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (LBSitdikova@mail.ru)

Smolyarov Maksim Vladimiroch — student of FSIN academy of Russia (msmolyarov@mail.ru)

Chyorniy Aleksandr Vladimirovich — external PhD student of International Law and Human Rights Department, GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (2142870@mail.ru)

Churilov Sergey Nikiforovich — Grand PhD in Law, professor, head of Criminal Process and Criminalistics Department GBOU VPO Moscow City Pedagogical University (AndreyanovaNN@mgpu.jurist.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5 поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а.л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору Пашенцеву Дмитрию Алексеевичу (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (14), 2014

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

Л.Ю. Ильина

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 17.04.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем: 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.